

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

1.

СВАДЬБА ВИКТОРИНЫ

КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

СОЧИНЕНІЕ

ЖОРЖА ЗАНДА.

ПЕРЕВОДЪ

Василько-Петрова.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

ВАНДЕРКЪ, богатый негодіантъ.

ЖОРЖЪ ВАНДЕРКЪ, лейтенантъ морской службы, его сынъ.

АНТУАНЪ, повѣренный Вандерка.

ФЮЛЬЖАНСЪ, одинъ изъ прикащиковъ Вандерка.

ГОСПОЖА ВАНДЕРКЪ.

СОФИ, дочь Вандерка.

ВИКТОРИНА, дочь Антуана.

СЛУГА.

Дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ большихъ торговыхъ городовъ Франціи, въ 1765 году.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Рабочій кабинетъ богатаго негоціанта. Направо, столъ съ бумагами и конторскими книгами; налѣво, конторка. Двѣ двери справа и слѣва и третья въ глубинѣ.

I.

ВИКТОРИНА и АНТУАНЪ.

(Викторина сидитъ налѣво; она держитъ платокъ, на колынахъ у нея лежитъ работа. Антуанъ стоитъ посреди комнаты).

АНТУАНЪ. Какъ? я застаю тебя съ покраснѣвшими глазами, съ смущеннымъ видомъ, а ты опять станешь увѣрять меня, что не плакала? Или скажешь, по обыкновенію, что дѣвушки плачутъ иногда такъ, отъ нечего дѣлать.

ВИКТОРИНА. Нѣтъ, папенька, я скажу вамъ на этотъ разъ, что плачу ... потому—что мнѣ скучно.

АНТУАНЪ. Скучно? А отчего? оттого—что ты лѣнивица! Еслибъ ты была принуждена работать пятнадцать часовъ въ сутки, какъ я, то время не показалось—бы тебѣ долгимъ.

ВИКТОРИНА. Но оно кажется мнѣ не долгимъ, а скучнымъ.

АНТУАНЪ. Скучнымъ? въ такую прекрасную погоду ... Мнѣ кажется, у тебя начинается умъ за разумъ заходить.

ВИКТОРИНА. А вы, папенька, становитесь слишкомъ строги! ... вы говорите со мною не ласково *(встаетъ)*. Ну, скажите, за что вы, съ нѣкотораго времени, на меня сердитесь, что съ вами сдѣлалось?

АНТУАНЪ. Что? ... что? *(Строго)*. А то, что мнѣ некогда заниматься головокруженіями ... вашими вздорами ... *(идетъ къ своему столу)*. Куда какая бѣда выйти замужъ за хорошаго человѣка! *(возвращается къ Викторинѣ, и видя, что она продолжаетъ пла-*

кать, говорить сердитымъ голосомъ). Ну, о чемъ ты плачешь? говори: я хочу знать!

ВИКТОРИНА. Право, папенька, я сама не знаю, такъ что-то: иногда, Богъ знаетъ отчего, хочется плакать, особенно съ тѣхъ поръ, какъ рѣшена моя свадьба.

АНТУАНЪ. Вамъ не угодно выходить замужъ, вѣрно, потому-что я этого хочу. Не такъ-ли?

ВИКТОРИНА. Я не говорю этого...

АНТУАНЪ. Вы не любите Фюльжанса?

ВИКТОРИНА. Я люблю его...

АНТУАНЪ. Нѣтъ, нѣтъ, вы находите, что онъ нестойтъ васъ: онъ не свѣтскіи человѣкъ, не красавецъ...

ВИКТОРИНА. О! для меня онъ хорошъ.

АНТУАНЪ. Ты не цѣнишь въ немъ главнаго достоинства: честности...

ВИКТОРИНА. О! что вы говорите!

АНТУАНЪ. Онъ недовольно занимается вами, не умѣетъ вамъ понравиться, а я... я не умѣлъ выбрать зятя. Не такъ-ли?

ВИКТОРИНА. Ахъ, да нѣтъ, нѣтъ, Боже мой, нѣтъ!

АНТУАНЪ. Такъ чего-же тебѣ хочется? какого тебѣ еще нужно жениха? ты презираешь отцовское званіе! Прикащикъ, человѣкъ трудящійся, фи! какъ можно! Вамъ нужно маркиза, князя?

ВИКТОРИНА. Смѣйтесь надо мною, сколько угодно, папенька; а я боюсь, что буду любить своего мужа не такъ, какъ бы онъ желалъ... что ему не понравится мой характеръ... что я для него слишкомъ легкомысленна... Миѣ кажется, наконецъ, что въ семнадцать лѣтъ рано еще выходить замужъ.

АНТУАНЪ (*садясь за свой письменный столъ*). Жаль, что ты давно уже не замужемъ.

ВИКТОРИНА. Отчего-же это?

АНТУАНЪ. Не твое дѣло. Оботри свои глупыя глазенки и займись шитьемъ, пока я буду работать.

ВИКТОРИНА. Развѣ вамъ, папенька, пужно, чтобъ я осталась здѣсь?

АНТУАНЪ. А тебѣ куда-бы хотѣлось? ты и такъ никогда со мною не бываешь.

ВИКТОРИНА. О! я останусь здѣсь, сколько вамъ угодно: я счастлива, когда бываю съ вами. Но вы даже ни разу не взглянете на меня, когда пишете ваши счета; какъ будто-бы меня и нѣтъ въ комнатѣ.

АНТУАНЪ. Такъ смотри ты на меня; вѣдь тебѣ и безъ того дѣлать нечего.

ВИКТОРИНА. Смотрѣть на васъ?

АНТУАНЪ. Да, смотри на меня со вниманіемъ, пока я буду работать, а потомъ ты мнѣ скажешь, о чемъ думала.

ВИКТОРИНА (*беретъ стулъ и садится возлѣ отца*). Хорошо, папенька.

АНТУАНЪ (*сложивъ въ тетрадь нѣсколько исписанныхъ листовъ, кладетъ перо и обращается къ дочери*). Ну?

ВИКТОРИНА. Что прикажете, папенька?

АНТУАНЪ. О чемъ ты думаешь?

ВИКТОРИНА. Объ васъ.

АНТУАНЪ. Что-же ты обо мнѣ думаешь?

ВИКТОРИНА. Что у васъ много заботъ.

АНТУАНЪ. Хорошо. А еще что?

ВИКТОРИНА. Что вы очень любите вашего хозяина, добраго господина Вандерка; что вы готовы умереть для него, какъ до сихъ поръ для него жили, что вы ставите его выгоды выше своихъ собственныхъ, что въ жизни вы ничего не видите, кромѣ долга и жертвуете долгу своимъ... моимъ счастіемъ, однимъ словомъ, всѣмъ.

АНТУАНЪ. Ты хорошо угадываешь, и думаешь лучше, чѣмъ кажется. Но что-же изъ этого слѣдуетъ?

ВИКТОРИНА. Что я во всемъ должна подражать вамъ: не имѣть ни мысли, ни желанія, которыхъ-бы вы не одобрили; вашъ примѣръ всегда долженъ быть у меня передъ глазами.

АНТУАНЪ. Не забывай-же этого, а теперь ступай, если у тебя есть какое-нибудь дѣло въ домѣ; я тебя больше не удерживаю.

ВИКТОРИНА. Пойду, узнаю, не нужна-ли я Софи?

АНТУАНЪ. Ты все еще не привыкла обходиться почтительнѣе съ барышней?

ВИКТОРИНА. А вы, папенька, никогда не отвыкнете называть ее барышней, хотя она давно уже замужемъ... Пойду, посмотрю, не нужна-ли я молодой госпожѣ, (*всторону*), моей доброй подругѣ. (*Вслухъ*). Поцѣлуйте-же меня, папенька (*идетъ къ Антуану*).

АНТУАНЪ. (*глядя на нее, съ намекомъ*). Еще стойшь-ли ты, чтобъ я поцѣловалъ тебя? Скажи правду, по совѣсти!

ВИКТОРИНА. Разумѣется, стою.

АНТУАНЪ (*пристально глядя на нее*). Точно?

ВИКТОРИНА. О, да! (*онъ цѣлуетъ ее; она выходитъ въ среднюю дверь, глядя на него съ нѣжностью*).

II.

АНТУАНЪ, одинъ.

Да! У нея душа добрая, не способная ко лжи ... Молода, неопытна, жива ... за то благородна, какъ покойная мать. Ахъ! какъ необходима дѣвушкѣ мать! Мы, мужчины, совсѣмъ не умѣемъ обходиться съ этими вертлявыми головками. (*Фюльжансу, который входитъ въ дверь, держа въ рукахъ бумаги*). А! это ты, Фюльжансъ?

III.

АНТУАНЪ, ФЮЛЬЖАНСЪ.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Вотъ еще два счета; хозяинъ приказалъ отдать ихъ вамъ, чтобы занести въ книгу.

АНТУАНЪ (*продолжая писать*). Хорошо! положи ихъ тутъ.

ФЮЛЬЖАНСЪ (*кладетъ бумаги на Антуановъ столъ*). Вашей дочери нѣтъ здѣсь? Я еще не видалъ ея сегодня.

АНТУАНЪ. Хорошъ влюбленный!

ФЮЛЬЖАНСЪ. Что это? — упрекъ?

АНТУАНЪ. Нѣтъ, мой другъ; лишь бы дѣло оттого не страдало, только-бъ не было упущеній...

ФЮЛЬЖАНСЪ. Для меня долгъ службы такъ же, какъ и для васъ, всего важнѣе. (*Идетъ къ конторкѣ и принимается за работу*).

АНТУАНЪ. Я это знаю, и радуюсь, что выбралъ тебя въ зятя. Ты честный малый, Фюльжансъ, человекъ степенный, точный, разсудительный. У тебя, правда, ничего нѣтъ! но кто трудолюбивъ и умѣренъ, тотъ всегда доволенъ тѣмъ, что имѣеть.

ФЮЛЬЖАНСЪ (*пишетъ*). Разумѣется. Однакожъ...

АНТУАНЪ. Однакожъ, что? Дочь моя тоже небогата. Я ужъ говорилъ тебѣ, что приберегъ ей очень мало. До сихъ поръ, я не хотѣлъ, чтобъ господинъ Вандеркъ увеличилъ мое жалованье... Но ты — дѣло другое! Ты занимаешь довольно важное мѣсто, ты образованнѣе, следовательно и полезнѣе меня. Вотъ уже два года, какъ ты здѣсь: тебѣ будутъ мало-по-малу прибавлять жалованья, смотря по заслугамъ.

ФЮЛЬЖАНСЪ (*выходя на середину*). Я этого не требую. — Господинъ Вандеркъ истратился недавно на приданое дочери, притомъ же у него сынъ въ такихъ лѣтахъ, когда любятъ пожить широко ... надѣ-

даетъ, можетъ-быть, долговъ... Господинъ Вандеркъ и безъ того хорошо платитъ своимъ прикащикамъ, а въ случаѣ лишней работы, даетъ еще подарки ... безсовѣстно требовать больше ... меня бы даже удивило, еслибъ онъ подумалъ объ этомъ. (*Снова садится за работу*).

АНТУАНЪ. Хорошо. Я доволенъ твоимъ образомъ мыслей, какъ ты самъ доволенъ своею судьбой (*встаетъ и подходитъ къ Фюльжансу, чтобы возвратитъ ему принесенные имъ два счета*). Вамъ дадутъ здѣсь квартиру и столъ.

ФЮЛЬЖАНСЪ (*оборачиваясь съ некоторымъ смущеніемъ*). Слишкомъ много чести. Я человекъ ничтожный, бѣднякъ ... и мнѣ совѣстно...

АНТУАНЪ (*подходя къ авансцену*). Такъ не будемъ говорить объ этомъ. По моему, ты довольно богатъ, потому-что всегда бодръ и трудолюбивъ.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Вы очень безкорыстны, господинъ Антуанъ.

АНТУАНЪ. Безкорыстенъ? я! Да какъ же мнѣ и не быть безкорыстнымъ? Какъ мнѣ любить деньги? Ужъ столько лѣтъ я ихъ считаю, получаю, выплачиваю ... и столько ихъ прошло чрезъ мои руки... Они льются здѣсь рѣкою и не могутъ уже ослѣпить меня: когда плывешь въ водѣ, такъ нить не хочется. Хозяинъ такъ добръ и великодушенъ, что еслибы я вздумалъ когда-нибудь сказать: Мнѣ хотѣлось-бы ... очень бы хотѣлось одну изъ тѣхъ полныхъ червонцами корзиночекъ, которыя высылаютъ медленно въ вашу кассу... Онъ непременно сказалъ бы: Возьми, любезный Антуанъ, возьми! Ты заслужилъ ее, и мнѣ пріятно исполнить твое желаніе.

ФЮЛЬЖАНСЪ (*внимательный и озабоченный*). А! такъ вотъ какъ отвѣтилъ бы вамъ господинъ Вандеркъ?

АНТУАНЪ. Разумѣется! Я былъ бы ужъ теперь богачъ, еслибы принималъ все, что онъ мнѣ предлагалъ. Но ему столько надо дѣлать добра, и онъ дѣлаетъ его съ такимъ удовольствіемъ, что когда я вижу, что онъ можетъ оказать кому-нибудь важную услугу или подарить что-нибудь хорошенькое своимъ дѣтямъ, то готовъ скорѣе приложить тайкомъ свое собственное, чтобы только онъ не отказывалъ себѣ въ этомъ удовольствіи.

ФЮЛЬЖАНСЪ (*встаетъ съ листа и подходитъ къ Антуану*). Вы еще никогда не говорили со мною такъ откровенно, господинъ Антуанъ. Знаете-ли, то, что вы говорите, облегчаетъ меня! Значитъ, въ васъ нѣтъ того глупаго честолюбія, которымъ нынче заражены почти все отцы, вы никогда не бредили тѣмъ, чтобы увидѣть дочь свою милліонеркою?

АНТУАНЪ. Никогда! Я слѣдую въ этомъ примѣру хозяина, который

желаетъ, чтобъ у дѣтей его были доброе сердце да честное имя. Онъ былъ бы очень несчастливъ, еслибы замѣтилъ въ нихъ жадность. (*Возвращаясь къ своему столу*) Ты знаешь его исторію?

ФЮЛЬЖАНСЪ (*возвращаясь къ своей конторкѣ*). Исторію господина Вандерка? Да... знаю, по крайней мѣрѣ, что онъ французъ и дворянинъ, что настоящее имя его — баронъ де Клавьеръ, что сестра его маркиза, и что онъ принялъ теперешнюю фамилію для того, чтобы продолжать торговлю одного голландскаго купца, который взялъ его на корабль, а потомъ усыновилъ, когда онъ былъ еще молодъ, бѣденъ и бѣжалъ изъ отечества, въ слѣдствіе дуэли.

АНТУАНЪ. Такъ ты видишь: у него нѣтъ предразсудковъ. Онъ не почелъ унизительнымъ посвятить жизнь свою труду. На домахъ и на каретахъ его не видать гербовъ: иной разбогатѣвшій откупщикъ — платитъ за нихъ деньги, а у него есть гербы, да олъ не хвастается ими. И деньги—то не имѣютъ для него значенія. Онъ сдѣлался купцомъ изъ благодарности, остался купцомъ изъ любви къ порядку и дѣятельности. Г. Вандеркъ разбогатѣлъ, имѣя въ виду одну только цѣль: подавать примѣръ честности въ торговлѣ — и всегда былъ образцомъ честности. Онъ смѣется надъ упреками сестры своей — маркизы, надъ презрѣніемъ равныхъ ему по рожденію, и хочетъ, чтобы его дѣти гордились его правилами.

ФЮЛЬЖАНСЪ (*съ нѣкоторыми презрѣніемъ*). Но сынъ его, кажется, не раздѣляетъ ихъ?

АНТУАНЪ. Его мнѣнія, можетъ—быть, еще не установились. Его нѣсколько прельщаетъ свѣтъ, но онъ славный молодой человекъ. Я люблю его, какъ роднаго сына, и увѣренъ, что онъ пойдетъ по стопамъ отца. А, тсъ! вотъ и онъ.

(Въ теченіи всего этого явленія, Антуанъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, а Фюльжансъ стоялъ за своей конторкой. Они отходятъ отъ своихъ мѣстъ, снова возвращаются къ нимъ, разговаривая, но не переставая заниматься).

IV.

ФЮЛЬЖАНСЪ, ЖОРЖЪ, АНТУАНЪ.

ЖОРЖЪ. Здравствуй, Антуанъ! (*жметъ ему руку и кланяется Фюльжансу*). Здравствуйте, господишъ Фюльжансъ. (*Антуану*). Я при-

шелъ попросить у тебя еще двадцать пять лундоровъ; мнѣ нужно сдѣлать сегодня утромъ кой-какія покупки.

АНТУАНЪ. Сейчасъ отсчитаю. Но только у меня ихъ здѣсь нѣтъ... Надо сходить въ кассу. (*Выходитъ въ правую дверь*).

ЖОРЖЪ. Когда же свадьба, господинъ Фюльжансъ?

ФЮЛЬЖАНСЪ (*холодно и не отходя отъ конторки*). Надѣюсь, что черезъ нѣсколько дней; насъ уже трижды огласили.

ЖОРЖЪ. Вы поторонитесь, потому—что я ѣду въ Парижъ, а хотѣлъ бы прежде потанцевать у васъ на свадьбѣ.

ФЮЛЬЖАНСЪ (*холодно*). Благодарю за честь.

ЖОРЖЪ. Поздравляю васъ. Ваша невѣста прекрасная дѣвушка, кроткая, добрая. Она мнѣ молочная сестра; ея мать была моей кормилицей; она, сестра моя и я, мы все вмѣстѣ воспитаны, и ... хоть сестра моя очень добра, Викторина была всегда лучше насъ всѣхъ. Вы позволите мнѣ сдѣлать ей свадебный подарокъ. Я за нимъ-то и ѣду теперь со двора.

ФЮЛЬЖАНСЪ (*сухо*). Какъ! двадцать пять лундоровъ, которые...

ЖОРЖЪ (*улыбаясь*). Это до васъ не касается. Только мнѣ нужно, чтобы вы сами позволили мнѣ подарить что-нибудь вашей невѣстѣ ... и вы позволяете? Не правда ли?

ФЮЛЬЖАНСЪ (*прерывисто*). Если... если жена моя...

ЖОРЖЪ (*смѣясь съ некоторымъ усиленіемъ*). А! Вы уже называете ее женою?

ФЮЛЬЖАНСЪ (*совершенно растерявшись*). Да, рано, правда... Если мадамозель Викторина...

ЖОРЖЪ (*съ откровенностію*). О! Викторина не откажетъ мнѣ. Счастливицы не бываютъ горды. Они принимаютъ все съ хорошей стороны. (*Пораженный выраженіемъ Фюльжансова лица*). Вы, кажется, чѣмъ-то недовольны?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Я?

ЖОРЖЪ (*кратко*). Вы слишкомъ много трудитесь?

ФЮЛЬЖАНСЪ. О, нѣтъ, ничего.

ЖОРЖЪ. Но мнѣ кажется, что вы не совсѣмъ веселы, не радуетесь, какъ бы слѣдовало жениху. Вы не похожи на Викторину: она весела, какъ птичка, и сейчасъ, у сестры моей, смѣялась надъ каждой бездѣлицей.

ФЮЛЬЖАНСЪ. А! она у вашей сестрицы ... смѣется?.. Вы уже видѣли ее сегодня утромъ? (*всторону*). Прежде меня! Какъ и всегда!

ЖОРЖЪ. Конечно, видѣлъ, и похвалилъ за веселое расположеніе духа!

ФЮЛЬЖАНСЪ (*всторону*). О! я непременно выѣду изъ этого дома, какъ только женюсь!

V.

ФЮЛЬЖАНСЪ, ЖОРЖЪ, АНТУАНЪ.

АНТУАНЪ (*входитъ въ правую дверь, кладетъ деньги на свой столъ, садится и открываетъ счетную книгу*). Вотъ двадцать пять луидоровъ.

ЖОРЖЪ. И ты ихъ запишешь?

АНТУАНЪ. Развѣ я когда-нибудь забывалъ что-нибудь записать? Посмотрите, вотъ ваши счета. Тутъ записана каждая копейка.

ЖОРЖЪ. Не сомнѣваюсь (*заглядываетъ мелькомъ въ счетъ*). Не мало же ты отсчиталъ мнѣ денегъ въ послѣдніе два мѣсяца.

АНТУАНЪ. Итоги нынѣшніе еще неподведены: жду конца.

ЖОРЖЪ. А батюшка видѣлъ этотъ счетъ?

АНТУАНЪ. Видѣлъ. Я ему каждый мѣсяцъ представляю все счета.

ЖОРЖЪ. И онъ ничего не замѣтилъ?

АНТУАНЪ. Ничего.

ЖОРЖЪ. Но ты вѣдь скажешь мнѣ, Антуанъ, если батюшка найдетъ, что я слишкомъ много трачу...

АНТУАНЪ. Вашъ батюшка? Стало быть вы его не знаете?

ЖОРЖЪ. Ну, а ты? Скажи, если ты не доволенъ мною!

АНТУАНЪ. Вы шутите?

ЖОРЖЪ. Вижу, что и ты хочешь баловать меня?

АНТУАНЪ. Такъ чтожъ? Кого-же и баловать здѣсь, какъ не васъ?

ЖОРЖЪ (*кладя руку на плечо Антуана*). Вотъ, вѣдь есть же люди, которые въ тысячу разъ лучше насъ, а считаютъ обязанностью жить для нашего счастья! Ваши родители живы, господинъ Фюльжансъ?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Нѣтъ; я едва ихъ помню.

ЖОРЖЪ. А! жаль васъ! Вы не знали, что такое значитъ быть любимымъ! — До свиданія, Антуанъ. (*Жметъ ему руку и хочетъ идти*).

VI.

ФЮЛЬЖАНСЪ, ЖОРЖЪ, ВИКТОРИНА, АНТУАНЪ.

ВИКТОРИНА (*входитъ въ среднюю дверь*). Папа, госпожа Вандеркъ просятъ васъ зайти къ ней, сейчасъ-же, если можете.

АНТУАНЪ. Ага! знаю, за чѣмъ. (*Выходитъ въ среднюю дверь*).

ЖОРЖЪ. А! Викторина, я сейчасъ дѣлалъ выговоръ твоему жениху. Онъ не веселъ. Любовь дѣлаетъ его грустнымъ: на тебя она дѣйствуетъ иначе, тебя она развеселяетъ: оставляю васъ, разсудите межъ собою, какая любовь лучше. (*Уходитъ въ заднюю дверь*).

VII.

ФЮЛЬЖАНСЪ, ВИКТОРИНА,

ВИКТОРИНА. Отчего вы грустны, Фюльжансъ? правду-ли онъ сказалъ?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Мнѣ грустно, когда говорятъ, что вы веселы.

ВИКТОРИНА. Такъ вамъ хочется, чтобъ я была печальна?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Нѣтъ, но вы никогда не бываете веселы со мною, Викторина! вы веселы только для другихъ.

ВИКТОРИНА. Развѣ моя вина, что вы наводите на меня тоску?

ФЮЛЬЖАНСЪ (*переходитъ черезъ сцену, и кладетъ счеты на Антуановъ столъ*). О! и не моя!

ВИКТОРИНА. Такъ чья-же?

ФЮЛЬЖАНСЪ (*встопону*). Не смѣю объяснить! Она, кажется, такъ искренна, такъ далека отъ того, что я думаю!

ВИКТОРИНА. Вы на меня сердитесь? нечего дѣлать, примусь за работу (*садится на лѣвой сторонѣ*).

ФЮЛЬЖАНСЪ. Сержусь? Какое не хорошее слово вы мнѣ сказали!

ВИКТОРИНА. Правда; я виновата. Не знаю, отчего я вамъ сказала это слово ... У меня его не было въ мысляхъ.

ФЮЛЬЖАНСЪ. (*подходя къ ней*). А хорошо-ли вы знаете свои мысли, Викторина?

ВИКТОРИНА. Думаю, что знаю. Впрочемъ ... не всегда, можетъ быть! Потому, видите-ли, я не хочу приписывать себѣ качества, которыхъ не имѣю, я не то, что ... какъ-бы это сказать? я не такая, какъ вы Фюльжансъ.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Какъ я?

ВИКТОРИНА. Ну, да. Я не такъ благоразумна, не такъ умна, не такъ разсудительна, какъ вы. Мнѣ кажется, что вы отдаете себѣ отчетъ въ каждой вещи, а я нѣтъ. Можетъ быть, меня слишкомъ избаловали въ этомъ домѣ, гдѣ все такъ добро ко мнѣ. Мнѣ позволяли дѣлать и говорить все, что ни приходило въ голову. Я всегда немного

увлекаюсь первыми побужденіями, которыя не могу вполнѣ объяснить себѣ. Я то весела, то грустна, то смѣюсь, то плачу; это всѣхъ забавляетъ, папенька смѣется надо мной, а я... я также надъ собой смѣюсь. (*Встаетъ*). Ну, чтожъ, это не успокоиваетъ васъ? Подумаешь, что я васъ въ самомъ дѣлѣ огорчаю? Но я, право, не желаю огорчать васъ! Говорю вамъ это, Фюльжансъ, для того, чтобы вы были совершенно спокойны.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Есть однакожъ одна вещь, которая должна меня безпокоить.

ВИКТОРИНА. Скажите, какая и, если я могу исправиться...

ФЮЛЬЖАНСЪ. О! виноваты не вы. Вы откровенны, добры, я это знаю. Но васъ такъ любятъ, такъ ласкаютъ въ этой семьѣ, что я не знаю, буду-ли въ силахъ дать вамъ то счастье, какимъ вы наслаждались здѣсь... боюсь, что я, какъ вы мнѣ говорите, слишкомъ благо-разумень, слишкомъ разсудителенъ для васъ.

ВИКТОРИНА. Да, и мнѣ это иногда приходило въ голову. Только теперь я объ этомъ не думала. Зачѣмъ вы мнѣ напоминаете? словно вы хотите напугать меня на счетъ будущаго? Разумѣется, замужъ выходить не безъ страха, а вы, вмѣсто того, чтобы успокоить меня, отнимаете послѣднюю увѣренность!

ФЮЛЬЖАНСЪ. О! я не ловокъ! не умѣю говорить нѣжныхъ словъ, не привыкъ къ той сладкой, медовой семейной жизни, которою васъ окружали здѣсь! Я угрюмъ, непріятенъ... Вы не можете любить меня. Скажите правду, Викторина: вы меня не любите?

ВИКТОРИНА. Я не люблю васъ? Вотъ, вы и совсѣмъ испугали меня, Фюльжансъ. Отчего-жъ вы мнѣ говорите, что я васъ не люблю?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Оттого-что я еще никогда не осмѣливался говорить съ вами объ этомъ, и что вы сами никогда еще, можетъ быть, себя о томъ не спрашивали.

ВИКТОРИНА. Но вѣдь я выхожу за васъ, стало-быть я должна любить васъ. (*Антуанъ входитъ и слушаетъ*).

ФЮЛЬЖАНСЪ. О! это не отвѣтъ.

ВИКТОРИНА. А я думаю, что да! Папенька мой любитъ, уважаетъ васъ, и я васъ также уважаю, и стараюсь любить васъ, потому-что этого хочетъ и желаетъ папенька.

VIII.

ВИКТОРИНА. АНТУАНЪ, ФЮЛЬЖАНСЪ.

АНТУАНЪ (*вошедшій въ среднюю дверь съ бумагами въ рукѣ, и*

остановившийся послушать, подходит къ нимъ). Викторина говоритъ правду, и теперь она блаторазумнѣе тебя.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Какъ! вы насъ подслушивали?

АНТУАНЪ. Отчегожъ—бы и не такъ? Я еще имѣю на это право.

ВИКТОРИНА (*цѣлуя его*). О! вы будете всегда имѣть это право! Я хочу, чтобъ вы знали все мои мысли и во всемъ—бы мнѣ совѣтовали. Скажите же Фюльжансу, что онъ не знаетъ самъ, что говорить.

АНТУАНЪ. Онъ влюбленъ, а любовь не разсуждаетъ. Ты сама, Викторина, говорила неразсудительно, помнишь? а теперь, напротивъ. Вступая въ бракъ, вовсе не нужно сходить съ ума отъ радости. Бракъ дѣло серьезное, и лишь—бы каждый изъ васъ имѣлъ твердую рѣшимость исполнить долгъ свой, — все пойдетъ хорошо... Ну, я объявлю вамъ теперь о сюрпризѣ. Притворитесь только, будто ничего не знаете. Господишъ Вандеркъ съ женою и дочерью, идутъ поздравить васъ и несутъ подарки. Не цѣнность ихъ должна васъ трогать, а расположеніе и дружба, которой они служатъ доказательствомъ.

IX.

Г. ВАНДЕРКЪ, г-жа ВАНДЕРКЪ, дочь ихъ СОФИ, ВИКТОРИНА, АНТУАНЪ, ФЮЛЬЖАНСЪ, ЛАКЕЙ съ картонками.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ (*входитъ въ среднюю дверь и цѣлуетъ Викторину*). Ты выходишь замужъ за добраго человѣка, милая Викторина. Я счастлива твоимъ счастіемъ, и прошу принять отъ меня подвѣчное платье. (*Она беретъ изъ рукъ лакея картонъ и отдаетъ его Викторинѣ*).

ВИКТОРИНА. О! какъ вы добры, что подумали обо мнѣ!

ВАНДЕРКЪ. А я, милая дочь моя, — я вѣдь тебя считаю дочерью, — не предлагаю нарядовъ, потому—что не умѣлъ—бы выбрать, а прошу принять этотъ бумажникъ.

ВИКТОРИНА (*беретъ бумажникъ*). О! какой онъ хорошенькій! благодарствуйте. Какъ хорошо переплетенъ! Весь вызолоченъ! Посмотрите, папенька! И вензель мой напечатанъ. (*Подходитъ къ Антуану, ставитъ картонку на столъ, отдаетъ портфель отцу, и подходитъ благодарить Вандерка*).

АНТУАНЪ (*открывая портфель*). Какъ! (*обращаясь къ Вандерку*). Вексель на вашу кассу, г. Вандеркъ... это слишкомъ! это невозможно! да вѣдь тутъ цѣлое состояніе! (*Онъ подходитъ къ Вандерку*).

ФЮЛЬЖАНСЪ (*всторону*). Деньги! Я былъ въ этомъ увѣренъ.

ВАНДЕРКЪ. Ну, такъ чтожь? Развѣ я не обязанъ упрочить судьбу твоей дочери?

АНТУАНЪ. Но вѣдь тутъ нѣтъ пятьдесятъ тысячъ ливровъ!.. Пять, шѣтъ, это слишкомъ много! Ваши дѣти...

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ (*держа за руку дочь свою*). Антуанъ, вы не имѣете права отказывать; воля мужа моего выражаетъ желаніе всего нашего семейства.

ВИКТОРИНА (*растроганная*). Ахъ! на что мнѣ столько денегъ? (*Обращаясь къ Вандерку, къ жени и дочери*). Вы почти огорчаете меня такимъ большимъ подаркомъ. Развѣ я здѣсь нуждалась въ деньгахъ? Развѣ вы уже не хотите, чтобъ я жила съ вами?

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Напротивъ, я надѣюсь, что ты останешься у насъ, пока мы живы.

ВИКТОРИНА. О! благодарю, благодарю, если такъ.

СОФИ ВАНДЕРКЪ. Но посмотрѣ-же на свое подвѣчное платье! Я приложила къ нему отъ себя немного кружевъ и небольшое ожерелье, потому-что и мнѣ также хочется принарядить тебя. Ты такъ радовалась моему наряду, три мѣсяца тому назадъ, въ день моей свадьбы! (*Она идетъ къ столу*).

ВИКТОРИНА (*открывая картонъ и садясь его разсматривать*). Ахъ! Боже мой! платье-муаре, жемчугъ, англійскія кружева!.. да я не буду смѣть носить это!

СОФИ (*подавая ей другой картонъ*). А вотъ цвѣты, ленты и перчатки; это даритъ мужъ мой, который пріѣдетъ черезъ два дня, потому-что хочетъ быть на твоей свадьбѣ.

ВИКТОРИНА. Боже мой! сколько прекрасныхъ вещей! Я все буду теперь ходить въ бѣлыхъ перчаткахъ, до самой смерти!

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Любуйся-же твоими богатствами; мы оставляемъ тебя; но приходи, вмѣстѣ съ отцомъ и женихомъ, завтракать съ нами: мы назначимъ день свадьбы... Слышите, господинъ Фюльжансъ.

ФЮЛЬЖАНСЪ (*выходя изъ глубокой задумчивости*). Сударыня... слишкомъ много чести! (*всторону*) Пятьдесятъ тысячъ!

ВАНДЕРКЪ (*женѣ и дочери*). Ступайте, мои милыя, и ждите меня; я сейчасъ приду къ вамъ съ Антуаномъ и Фюльжансомъ, которыхъ увожу теперь въ магазинъ. Мнѣ надо отдать кой-какія приказанія. (*Уходитъ съ Антуаномъ и Фюльжансомъ направо*).

СОФИ. Ты придешь, Викторина? Ты знаешь, сегодня завтракаютъ на моей половинѣ.

ВИКТОРИНА (*вставая*). Да, да, сейчасъ, сейчасъ. Я только убе-

ру и сирячу мой сокровища и тотчас же приду. (*Г-жа Вандеркъ выходитъ подъ руку съ Софи азъ среднюю дверь*).

X.

ВИКТОРИНА одна, стоитъ у стола.

Платье! жемчугъ! ахъ, какой тяжелый! Ужъ вѣрно настоящій ... англійскія кружева!.. и деньги, много денегъ! (*До всего дотрогивается и все роиаетъ изъ рукъ*). И такъ, я буду очень богата, очень нарядна, очень счастлива!.. а Фюльжансъ очень любитъ меня! (*Становится все больше и больше грустною*). Папенька будетъ очень радъ ... Странно, я задыхаюсь!.. (*Садится на Антуановъ стулъ*). Что это? отъ радости? Я чувствую ... (*Съ невольнымъ рыданіемъ*). Боже мой! какъ больно быть такъ счастливой!.. (*Заливается слезами*).

XI.

ЖОРЖЪ, ВИКТОРИНА.

ЖОРЖЪ. Она плачетъ! что-жъ это такое? Ужъ не замужство-ли огорчаетъ ее? (*подходя*). О! еслибъ я былъ увѣренъ въ этомъ! (*вслухъ*). Викторина! ты плачешь? (*Беретъ ее за руки*).

ВИКТОРИНА (*задыхаясь, встаетъ*). Ахъ! не говорите, ради Бога, не говорите!.. папенька такъ сердится, когда я плачу.

ЖОРЖЪ. Стало быть, ты часто плачешь?

ВИКТОРИНА. Нѣтъ, иногда ... (*отирая глаза*). Вотъ, и проходитъ! это ничего.

ЖОРЖЪ. Но какое-жъ у тебя горе?

ВИКТОРИНА. У меня нѣтъ горя.

ЖОРЖЪ. Такъ стало-быть безъ причины?

ВИКТОРИНА. Должно быть.

ЖОРЖЪ. Да вѣдь это безуміе?

ВИКТОРИНА (*улыбаясь*). Очень можетъ быть.

ЖОРЖЪ. Фюльжансъ ...

ВИКТОРИНА. Что Фюльжансъ?..

ЖОРЖЪ. Фюльжансъ кротокъ, честенъ, хорошо воспитанъ; онъ хорошъ собою, молодъ, онъ тебѣ нравится, не правда-ли?

ВИКТОРИНА. О! да, онъ мнѣ очень нравится.

ЖОРЖЪ. Вѣдь не замужство-же причиною твоего горя?

ВИКТОРИНА. О, пѣтъ! тутъ не о чемъ говорить; но вотъ при мысли о замужствѣ, мнѣ всегда хочется плакать. Еслибъ я выходила за другаго, было-бы то-же самое.

ЖОРЖЪ. Точно?

ВИКТОРИНА. Точно.

ЖОРЖЪ (*всторону, слегка вздыхая*). Нечего дѣлать!.. (*вслухъ*). Полно-же, Викториночка, милая сестра моя, не надо портить глазокъ; и притомъ-же, если ты будешь такъ грустна, у меня неостанетъ духа поздравить тебя и поднести подарокъ; вѣдь я тоже принесъ тебѣ подарокъ. (*Смотритъ на карманы и вынимаетъ изъ кармана небольшой ящичекъ*). Я вижу, что пришелъ послѣ всѣхъ, но виноватъ мастеръ: онъ заставилъ меня ждать.

ВИКТОРИНА. Вы привезли мнѣ подарокъ? Вѣрно, такую вещь, которую мнѣ всегда будетъ можно носить. Тѣмъ лучше!

ЖОРЖЪ. Я буду счастливъ, если она тебѣ понравится. Посмотри.

ВИКТОРИНА (*открывая ящичекъ*). О! ваши часы! ваши прекрасные часы съ репетиціей! тѣ самые, которые провели со мною цѣлую ночь, наканунѣ вашей дуэли. Ахъ! какое грустное ... и вмѣстѣ пріятное воспоминаніе ... потому-что послѣ этой скверной ночи, въ которую я ни разу не сомкнула глазъ ... (я вѣдь знала, что вы будете драться) ... было такое радостное утро: вы возвратились живы и здоровы! Мы всѣ были такъ счастливы! Благодарю, что вамъ пришло на мысль подарить мнѣ эти часы!.. но что скажетъ ваша сестра, которая подарила ихъ вамъ въ день своей свадьбы?

ЖОРЖЪ. Я приказалъ сдѣлать себѣ точно такіе-же. Посмотри! это, чтобъ сестра не знала ...

ВИКТОРИНА. Однако же вѣдь не надобно-бы вамъ обманывать сестру.

ЖОРЖЪ (*съ легкимъ упрекомъ и дѣлая видъ, что хочетъ обмѣнить часы*). Если тебѣ все равно ...

ВИКТОРИНА (*грустно удерживая часы*). Нѣтъ!.. совсѣмъ не все равно! я бы лучше желала старые ... Поручая ихъ мнѣ передъ дуэлью, вы говорили: Неотдавай ихъ никому, кромѣ меня, слышишь-ли, никому! Вы хотѣли мнѣ ихъ оставить на память, въ случаѣ, еслибъ ... Но, слава Богу, я могла отдать ихъ вамъ, Жоржъ!.. Впрочемъ, дѣлать нечего, вы не должны съ ними разставаться: сестра для васъ больше, нежели я!

ЖОРЖЪ. А развѣ ты не сестра мнѣ? Софи не ревнуетъ тебя! Она навѣрное одобрила-бы обмѣнъ, еслибъ я могъ рассказать ей о...

ВИКТОРИНА. Ахъ да, о дуэли! она осталась тайной между вашимъ отцомъ и вами, между моимъ отцемъ и мною ... и Фюльжансомъ ...

Да! такъ я, слѣдовательно, могу сказать Фюльжансу, что это тѣ самыя часы?

ЖОРЖЪ (*нѣсколько смущенный*). Фюльжансу ... но ... (*съ откровенностію*) впрочемъ .. да, да, конечно! отчего-жъ не сказать ему? Возьми-же, возьми эти, прошу тебя.

ВИКТОРИНА (*надѣвая часы*). Ахъ, какъ я рада! Посмотрите! Видя эти часы на себѣ, мнѣ кажется, что я вижу васъ самихъ (*прыгаетъ отъ радости*).

ЖОРЖЪ. Вотъ, ты и смѣешься! Я очень радъ, что возвратилъ тебѣ веселость.

ХІІ.

АНТУАНЪ, ФЮЛЬЖАНСЪ, ЖОРЖЪ, ВИКТОРИНА.

АНТУАНЪ (*входитъ въ правую дверь съ Фюльжансомъ, который идетъ прямо къ своей конторкѣ. Антуанъ слышалъ послѣднія слова предыдущаго явленія. Онъ смотритъ на дочь*). Ты весела: вотъ это дѣло.

ВИКТОРИНА. Посмотрите, папенька, посмотрите, Фюльжансъ, какіе прекрасныя часы подарилъ мнѣ г. Жоржъ. (*Фюльжансъ вздрагиваетъ*).

АНТУАНЪ. Тебя балуютъ и сдѣлаютъ тѣснѣе. Вы напрасно, г. Жоржъ ...

ЖОРЖЪ. Не брани меня. Мнѣ такъ пріятно видѣть ее смѣющеюся и прыгающей. Но насъ ждутъ всѣхъ къ завтраку: идете вы?

ВИКТОРИНА. О! какъ я насмѣшу мамми часами г-жу Вапдеркъ. Я буду заставлятъ ихъ звонить каждыя четверть часа, пока она не скажетъ мнѣ: да перестань-же звонить, Викторина: у меня голова трещитъ.

ЖОРЖЪ. Хочешь дать мнѣ руку?

ВИКТОРИНА. Да, да; но только пусть папенька идетъ впередъ.

АНТУАНЪ. Дамамъ всегда уступаютъ дорогу!

ВИКТОРИНА. Я не дама; я не хочу идти впереди моего отца.

АНТУАНЪ. А если я не хочу идти впереди г. Жоржа?

ЖОРЖЪ (*смѣясь*). Тутъ одно только средство устроить дѣло. Возьми меня за другую руку, мой добрый Антуанъ, и мы пройдемъ въ дверь всѣ трое ... какъ удастся. (*Они выходятъ въ среднюю дверь, смѣясь*).

XIII.

ФЮЛЬЖАНСЪ (*одинъ, идя вслѣдъ за ними*). Съ нимъ весела!.. со мною грустна!.. Подарки ... деньги!.. О! сердце рвется отъ злости и сомнѣнья!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Гостиная въ домѣ г. Вандерка, во вкусѣ времянь Людовика XV; на заднемъ планѣ, посереднѣ сцены, каминъ; по обѣимъ сторонамъ его, двери: лѣвая ведетъ въ переднюю, правая, стеклянная, въ садъ. Надъво, окно, немного ближе къ зрителямъ небольшой столикъ и двое кресель. На первомъ же планѣ, по обѣимъ сторонамъ сцены, консоли съ канделябрами. По обѣимъ сторонамъ сцены, по на второмъ планѣ, боковыя двери.

I.

ВАНДЕРКЪ, ЖОРЖЪ.

Г. ВАНДЕРКЪ (*входитъ въ дверь изъ передней, съ бумагами въ рукъ*). Нѣтъ, другъ мой, я здоровъ, и какъ сестра твоя пригласила насъ провести сегодняшнее утро на ея половинѣ, то я останусь здѣсь.

ЖОРЖЪ. Если вамъ не нужно быть однимъ, и вы не озабочены какимъ-нибудь важнымъ дѣломъ...

Г. ВАНДЕРКЪ. О! у куца есть всегда какая-нибудь забота. Меня безпокоитъ долгъ Гарриса и Морриссона.

ЖОРЖЪ. Этихъ американцевъ, которымъ вы открыли такой значительный кредитъ?

Г. ВАНДЕРКЪ. Да! меня увѣдомили, чтобъ я остерегся, а между тѣмъ, непріятно совсѣмъ отказать въ кредитѣ честнымъ людямъ, потому что моя недовѣрчивость можетъ ускорить ихъ раззореніе... Но зачѣмъ, впрочемъ, я говорю тебѣ объ этомъ; все это вещи вовсе не забавныя для молодаго человѣка, думающаго только объ удовольствіяхъ; притомъ же, въ настоящемъ случаѣ, предусмотрительность мало поможетъ. Зараѣе безпокоить себя мыслями объ опасности, которую не можешь отвратить — значитъ быть малодушнымъ, и вся человѣческая мудрость заключается,

можетъ — быть, въ умѣнѣ съ терпѣніемъ выждать добро и зло... Ступай, другъ мой; докончи завтракъ...

ЖОРЖЪ. Позвольте мнѣ, батюшка, остаться съ вами; у васъ такъ рѣдко выдается свободное утро, и я такъ мало вижу васъ!.. Это, конечно, моя вина. Я долженъ бы помогать вамъ въ трудахъ, раздѣлять ваши заботы... и вы справедливо упрекаете меня за любовь мою къ удовольствіямъ.

Г. ВАНДЕРКЪ. Я не упрекаю тебя, другъ мой; у каждаго возраста свои удовольствія. Я ничего не вижу худаго въ твоемъ желаніи помотрѣть на Парижъ, (*з-жь Вандеркъ, которая входитъ въ дверь изъ передней*) и твоя мать, которая для тебя всегда готова отказаться отъ своихъ собственныхъ желаній, согласна съ моимъ мнѣніемъ.

II.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. ЖОРЖЪ. Г. ВАНДЕРКЪ.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. А! вы говорите о поѣздкѣ въ Парижъ?... Такъ онъ не отказался отъ своего намѣренія? (*Садится нальво*).

ЖОРЖЪ. Да, признаюсь, мнѣ хочется побывать въ Парижѣ; но еслибъ я вздумалъ хорошенько допросить себя, то можетъ быть мнѣ еще больше захотѣлось бы остаться.

Г. ВАНДЕРКЪ. Мы предоставляемъ тебѣ полную свободу. Тебѣ хочется, какъ говорятъ у насъ, понабраться немного свѣтскаго духу; ты, какъ и все наши молодые люди, стыдишься, что до сихъ поръ еще провинціалъ.

ЖОРЖЪ. Нѣтъ, батюшка. Лейтенанта морской службы, которому уже двадцать—пять лѣтъ отъ роду и который успѣлъ побывать въ обѣихъ Индіяхъ, нельзя назвать провинціаломъ. Но говорятъ, что Парижъ выражаетъ и заключаетъ въ сокращеніи весь міръ, и мнѣ кажется, что взглянувъ на него, я ужъ не захочу ѣхать кругомъ свѣта.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Дѣлай, какъ знаешь, сынъ мой, и хотя мнѣ очень пріятно быть съ тобою, но какъ и отецъ твой, я не буду противиться путешествію, которое можетъ быть полезно для твоего образованія... Здоровье мое наконецъ поправилось, благодаря твоей заботливости.. Я буду очень рада, если Парижъ достаточно удовлетворитъ твою любознательность, и ты впередъ откажешься отъ далекихъ странствій!.. Ахъ! я не могу забыть, какъ страдала, когда вѣтеръ бушевалъ на нашихъ берегахъ, а на небѣ собиралась гроза...

ЖОРЖЪ. Бѣдная, добрая маменька!.. заставляя васъ страдать... Ба-

тешка, мнѣ надо оставить морскую службу и посерьознѣе заняться нашей торговлей.

Г. ВАНДЕРКЪ. Такъ вы не обратились еще къ мнѣніямъ вашей тетушки маркизы, господинъ баронъ?

ЖОРЖЪ. Нѣтъ, и съ каждымъ днемъ все болѣе обращаюсь къ вашему. Я не могу стыдиться того, что составляетъ честь нашего имени, и хочу идти по одной съ вами дорогѣ. Я вамъ нуженъ, потому что сестра моя вышла за человѣка служащаго, незнакомаго съ нашими занятіями. Знаете-ли что? — надо мнѣ жениться, чтобъ остепениться, сдѣлаться домосѣдомъ, и привязаться къ семейной жизни; всѣ здѣсь будутъ отъ того счастливы, а я счастливѣе всѣхъ, я въ томъ увѣренъ.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Ахъ! еслибъ ты говорилъ правду!

Г. ВАНДЕРКЪ. Пожалуй, мы позаботимся объ этомъ, когда тебѣ вздумается. Но искать тебѣ невѣсты съ придачимъ я не стану: ты самъ ищи себѣ жену. Я не люблю браковъ, которые похожи на сдѣлку, и въ которыхъ сердце и семейное счастье не припимаются въ расчетъ. Знаю, что браки по любви пользуются худою славой, но я (*протягивая руку жене*) самъ женился по любви и такъ счастливъ, что не понимаю, какъ можно жениться иначе.

ЖОРЖЪ. О! я совершенно съ вами согласенъ, батюшка, и богатство (у насъ его довольно!) никогда не увлечетъ меня. Какъ я ни прикидывайся, а все чувствую влеченіе къ простотѣ и скромности, вопреки свѣту и тону; я чувствую, что я вашъ сынъ, и столько гордъ, что у меня достанетъ силы перенести насмѣшки свѣтскихъ франтовъ. Мнѣ очень хочется узнать, зачѣмъ эти люди съ такимъ трудомъ и стараніемъ раззоряютъ свои семейства, губятъ здоровье, характеръ, репутацію, когда такъ легко быть честнымъ человѣкомъ и счастливымъ. Тогда-то мнѣ захочется возвратиться сюда, чтобы спокойно дожить здѣсь вѣкъ свой, съ женой, которую вы мнѣ выберете, прекрасной, какъ сестра моя, доброй, какъ матушка.

Г. ВАНДЕРКЪ (*переходя направо*). Раненько, другъ мой, задумалъ ты доживать вѣкъ. Посмотри прежде на свѣтъ. Тебѣ этого хочется. — значить, ты чувствуешь въ томъ потребность. И прекрасно, надо чтобы ты видѣлъ свѣтъ собственнымъ, а не моими глазами, чтобы ты познакомился съ нимъ, прежде, нежели заключишь себя въ семейную жизнь. Ступай въ Парижъ, а о женитьбѣ поговоримъ, когда воротишься, если только ты къ тому времени не раздумаешь.

ЖОРЖЪ (*задумчиво и першительно*). Можетъ быть, вы и правы, батюшка! я еще очень молодъ, и буду, можетъ-быть, недостойнъ своего

счастья... Впрочемъ, вы были моложе меня, когда женились, однакожь не раскаявались.

Г. ВАНДЕРКЪ. Правда, но я былъ бѣденъ, осужденъ на трудъ; я не былъ блистательнымъ юношей, не былъ баловнемъ...

III.

ВАНДЕРКЪ, ЖОРЖЪ, Г-ЖА ВАНДЕРКЪ, СОФИ, ВИКТОРИНА, ФЮЛЬЖАНСЪ, АНТУАНЪ.

Они дружелюбно входятъ въ дверь изъ передней, группами, и разговаривая.

СОФИ. Мы много толковали о свадьбѣ, нарядахъ, танцахъ: порядкомъ таки поболтали, а все ничего не рѣшили.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Правда, но мы не могли рѣшить безъ твоего отца.

Г. ВАНДЕРКЪ (*сидясь на право*). Ну, Антуанъ, что-же замедляетъ свадьбу?

АНТУАНЪ. Да, ничто не замедляетъ. Все готово. Ждемъ только, чтобъ вы назначили день.

ВИКТОРИНА. Ахъ! вотъ ужъ и день назначать!

ЖОРЖЪ. Ей это какъ-будто неприятно? Развѣ ты не знаешь, что я непременно хочу засыпать весь городъ ракетами и сама развѣ не желаешь поджечь послѣдній букетъ?

ВИКТОРИНА. О нѣтъ! это слишкомъ страшно.

Г. ВАНДЕРКЪ. Постойте-же! сегодня двадцать седьмое.

ВИКТОРИНА. Уже? я думала, еще только двадцать пятое.

Г. ВАНДЕРКЪ. Сегодня двадцать седьмое. Пусть свадьба будетъ тридцатаго.

АНТУАНЪ. Пожалуй! тридцатаго.

ВИКТОРИНА. Тридцатаго! въ пятницу! Пятница тяжелый день!

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. А субботный постный.

Г. ВАНДЕРКЪ. Ну, такъ отложимъ на пять дней, до воскресенья, то есть, до втораго числа будущаго мѣсяца.

ВИКТОРИНА. Черезъ пять дней! такъ скоро?

АНТУАНЪ. Но вѣдь надо однако рѣшиться.

ФЮЛЬЖАНСЪ (*наблюдавшій за Викториной*). Позвольте, господинъ Антуанъ. (*Вандерку*). Извините меня, г. Вандеркъ... но мадамъ Викторинѣ не нравится, кажется, наша посѣшность, и я не желалъ бы, чтобъ ее принуждали.

Г. ВАНДЕРКЪ. Хорошо, Фюльжансъ: ваши слова показываютъ преданность, покорность. Это доказательство любви, которое съумѣютъ

оцѣнить. Да, не должно смущать застенчивость, а надо уважать ее и стараться убѣдить нѣжными средствами.

АНТУАНЪ. Но...

Г. ВАНДЕРКЪ. Тебѣ также не слѣдуетъ въ это вмѣшиваться. Но какъ, по случаю скорого отъѣзда моего сына, надо сегодня—же на что-нибудь рѣшиться, то оставимъ жениха съ невѣстой наединѣ: пусть они посоветуются, а мы пока пойдемъ прогуляться по саду. Мы сейчас—же возвратимся, мои дѣти, и вы намъ скажете, какъ вы рѣшили съ общаго согласія.

СОФИ. Вотъ это хорошо, папенька; вы всегда советуете быть снисходительными къ нашему полу, и первые подаете въ томъ примѣръ.

Г. ВАНДЕРКЪ *(подавая руку жень своей)*. Уважай то, что любишь! Я по себѣ знаю, какъ это хорошо.

(Они выходятъ въ садъ. Вандеркъ пропускаетъ Антуана впередъ, и слѣдуетъ за нимъ съ женой; Софи, выходя, дѣлаетъ знакъ Жоржу, чтобъ и онъ шелъ съ ними. Жоржъ, взоръ котораго былъ устремленъ на Викторину, дѣлаетъ ей прощальный знакъ и выходитъ).

VI.

ВИКТОРИНА, ФЮЛЬЖАНСЪ.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Вамъ очень непріятно на что-нибудь рѣшиться, мадамозель Викторина ... и я самъ...

ВИКТОРИНА *(съ порывомъ)*. А! и вамъ также, не правда—ли?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Я скрывалъ отъ васъ мои мысли, надѣялся заглушить ихъ, побѣдить себя. Но я слишкомъ страдаю, и дальнѣйшее молчаніе будетъ уже притворствомъ. Я не хочу, не долженъ притворяться. Я васъ люблю, Викторина, о! да, я васъ люблю! не принимайте—же въ худую сторону того, что я вамъ скажу.

ВИКТОРИНА. Говорите скорѣе!

ФЮЛЬЖАНСЪ. Я бы желалъ ... Я бы не хотѣлъ, нѣтъ, я бы не хотѣлъ отказаться отъ васъ ... а между тѣмъ ...

ВИКТОРИНА *(внимательно)*. Что?

ФЮЛЬЖАНСЪ. А между тѣмъ ... я бы желалъ кое—что измѣнить въ вашихъ мечтахъ о будущемъ. Еслибъ я былъ человекъ безъ правилъ, я могъ бы обмануть васъ, прикинуться, что готовъ всему подчиниться, а на другой день свадьбы сказать вамъ: вотъ, чего я хочу. Но это было бы недобросовѣстно, вы возненавидѣли бы меня, и по

дѣломъ. Я скажу вамъ лучше заранѣе, и если вамъ покажется невозможнымъ ... я покорюсь, буду страдать ... откажусь отъ счастія, которымъ льстилъ себя.

ВИКТОРИНА. Чего - жь бы вы хотѣли, еслибъ мы ужъ были обвинчаны?

ФЮЛЬЖАНСЪ (*съ усиленіемъ*). Оставить этотъ домъ, это семейство ... эту страну, и переѣхать жить за границу, или на другой конецъ Франціи.

ВИКТОРИНА (*живо*). О! никогда ... ни за что!

ФЮЛЬЖАНСЪ. Вотъ, чего я боялся, въ чемъ былъ увѣренъ, что тяжело мнѣ; но я предпочитаю знать правду заранѣе.

ВИКТОРИНА. О! и я также!

V.

АНТУАНЪ и **Г. ВАНДЕРКЪ** (выходятъ изъ сада), **ВИКТОРИНА** и **ФЮЛЬЖАНСЪ.**

АНТУАНЪ. Что это, ссора? (*Вандерку*). Вѣдь я вамъ говорилъ, что они не поладятъ.

ВАНДЕРКЪ. Неужели? Въ чемъ-же дѣло, дѣти? мы постараемся согласить васъ.

ВИКТОРИНА. О! мы совершенно между собой согласны, г. Вандеркъ; намъ нельзя жениться, вотъ и все.

АНТУАНЪ (*сердито*). Это что за новости!

ВИКТОРИНА. Мы не споримъ; мы изъ за этого вовсе и не ссорились. Ему упрекнуть меня не въ чемъ, я нисколько на него не въ претензіи. Онъ откровененъ, я также, вотъ и все.

АНТУАНЪ. Да что-жь это такое, чортъ возьми? Объяснитесь-ли вы, Фюльжансъ?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Мнѣ тяжело объясниться при господинѣ Вандеркѣ.

ВАНДЕРКЪ (*кратко*). Я уйду, если нужно.

ВИКТОРИНА (*удерживая его*). Нѣтъ, нѣтъ, вы здѣсь глава, судья, отецъ и господинъ. Я хочу, чтобъ онъ сказалъ при васъ, что говорилъ мнѣ, а не то—я скажу вѣдь сама.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Ваша правда, мадмоазель Викторина, и такъ какъ нѣтъ болѣе надежды ... (*Вандерку съ твердостію*). Если я женюсь на мадмоазель Викторинѣ, то отоїду отъ васъ.

ВИКТОРИНА. Слышите? Онъ хочетъ отоїти, ему хотѣлось-бы, чтобъ я бросила отечество, семью, вашъ домъ, въ которомъ родилась.

выросла и жила, какъ въ своемъ семействѣ, — въ которомъ я была счастлива. Онъ хочетъ увезти меня далеко, далеко отъ васъ, отъ папеньки ... отъ Софи!.. Ему хочется, наконецъ, уморить меня съ тоски, а объ этомъ съ папенькой не было уговора, я не на этомъ условіи дала согласіе ... Онъ въ этомъ сознается: стало-быть, свадьба наша разошлась.

АНТУАНЪ (*наблюдавшій за Фюльжансомъ и Викториной и сдѣлавшійся мрачнымъ*). Тише, тише, дочка, не торопись. Отъ этого свадьба еще не разойдется. Сказано, что жена покинетъ отца своего и мать и послѣдуетъ за мужемъ: ну, и ты послѣдуешь за своимъ, если онъ этого хочетъ.

ВИКТОРИНА. Чтобъ я бросила семью, домъ господина Вандерка!.. чтобъ я бросила васъ, батюшка! о! вы этого не захотите...

АНТУАНЪ. Ты со мной не разстанешься ... я поѣду съ тобою.

ВИКТОРИНА (*цѣпляясь за руку Вандерка*). Вы оставите господина Вандерка? О! послушайте, послушайте, папенька хочетъ оставить васъ! вамъ нельзя обойтись безъ папеньки!

ВАНДЕРКЪ (*который также сталъ внимательно наблюдать Антуана и Фюльжанса*). Господинъ Фюльжансъ ... можете-ли вы сказать мнѣ откровенно, отчего вы хотите оставить мой домъ и даже страну, въ которой я живу? Неужели вамъ противна моя дружба и услуги, которыя я могу вамъ оказать? Объяснитесь и не бойтесь, чтобы причины, заставляющія васъ поступить такъ, если только онѣ хороши, могли оскорбить меня.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Если-бы я оставался холостякомъ, то нигдѣ не было бы мнѣ такъ хорошо, какъ у васъ. Я отдаю справедливость вашему характеру, но неужели я оскорблю васъ, если утаю причины, которыя вы желаете знать.

ВАНДЕРКЪ. Вы имѣете полное на то право! но я прошу вашей довѣренности ... Антуанъ, Викторина, оставьте насъ. Не уходите однакожъ слишкомъ далеко: мнѣ можетъ-быть тотчасъ будетъ нужно и съ вами поговорить.

АНТУАНЪ. Слушаю. И мнѣ также нужно поговорить съ этой барышней. (*Онъ нѣсколько сердито беретъ Викторину за руку и выходитъ съ нею въ садъ. Викторина бросаетъ отчаянный взглядъ на Вандерка*).

VI.

ВАНДЕРКЪ, ФЮЛЬЖАНСЪ (задумался).

ВАНДЕРКЪ. Ну, вотъ мы и одни, Фюльжансъ, и я думаю, что вамъ полезно—бы открыть мнѣ свое сердце и попросить совѣта у человѣка, который вдвое васъ старше и въ нѣкоторыхъ жизненныхъ вопросахъ, можетъ быть лучшимъ судьбою, чѣмъ вы.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Ахъ, господишъ Вандеркъ! ваша кротость меня трогаетъ ... я вѣрю въ ваше благоразуміе ... но не требуйте ... нѣтъ! я ничего вамъ не скажу.

ВАНДЕРКЪ. Такъ я постараюсь угадать. Можетъ быть, вы не довольны своимъ положеніемъ, и боитесь, что при вшемъ жалованьи, вамъ нельзя будетъ воспитать, какъ—бы слѣдовало, будущее семейство...

ФЮЛЬЖАНСЪ. Нѣтъ, нѣтъ! Вотъ то—то и убиваетъ меня, что вы предполагаете во мнѣ корыстолюбивые виды, когда совершенно напротивъ, когда я стыжусь ... и ... договаривать—ли, недоволенъ ... оскорбленъ деньгами, которыя вы сегодня подарили Викторинѣ.

ВАНДЕРКЪ (*внимательно наблюдая его*). Недоволенъ! оскорбленъ! чѣмъ—же? Развѣ вы не знаете, что Антуанъ мой прикащикъ, товарищъ и другъ, вотъ уже тридцать лѣтъ? что мы когда-то сражались рука объ руку, вмѣстѣ терпѣли горе, что онъ тысячу разъ доказывалъ мнѣ свою преданность и честность. Еще не такъ давно, сынъ мой дрался на дуэли: Антуанъ хотѣлъ вызвать его противника, чтобъ тотъ убилъ его и былъ—бы принужденъ бѣжать .. И вы находите страннымъ и щекотливымъ для вашей чести (*ударяетъ на эти слова*), что я даю скромное приданое дочери такого человѣка?

ФЮЛЬЖАНСЪ (*всторону*) Для моей чести!.. Онъ какъ будто читаетъ въ моихъ мысляхъ.

ВАНДЕРКЪ. Вы не отвѣчаете? Чтожъ находите вы въ этомъ удивительнаго?

ФЮЛЬЖАНСЪ (*колеблясь*). О! ничего, конечно, ничего! Но я слишкомъ гордъ ... (*съ горечью*) и благодаренія оскорбляютъ меня.

ВАНДЕРКЪ. Тѣмъ хуже для васъ. Я не люблю, когда недовѣряютъ добрымъ намѣреніямъ, безъ всякой причины.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Безъ всякой причины!..

ВАНДЕРКЪ. Такъ скажите—же причину вашей недовѣрчивости.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Я ... у меня нѣтъ къ вамъ недовѣрчивости! она была—бы неблагодарностью, я это чувствую ... но что—же дѣлать, я не

могу себя перемѣнить. Я желаю, чтобы жена моя мнѣ одному была обязана своимъ достаткомъ, удовольствіями молодыхъ лѣтъ и спокойствіемъ старости. Я-бы желалъ быть ея единственной опорой, единственнымъ другомъ! Я родился ревнивцемъ!.. я ревную все, что люблю, ревную даже въ такихъ обстоятельствахъ, которыя покажутся вамъ, можетъ быть, ничтожными... Я не знаю, осмѣлюсь-ли когда-нибудь говорить Викторинѣ *ты*, такъ я почитаю ее, а здѣсь все ей говорятъ *ты*. Наконецъ, ее такъ ласкаютъ, такъ любятъ въ вашемъ домѣ, что привязанность ея не можетъ здѣсь сосредоточиться на мнѣ, и я буду тайно мучиться, что не могу быть единственнымъ виновникомъ ея счастья.

ВАНДЕРКЪ. Я поизялъ васъ, какъ нельзя лучше.

ФЮЛЬЖАНСЪ. И осуждаете?

ВАНДЕРКЪ. Нисколько. Исключительная, неограниченная нѣжность — священнѣйшее право любви и супружества, и я не стану васъ отклонять отъ вашихъ намѣреній; но довольно-ли любить васъ Викторина, чтобы принять ихъ безъ сожалѣнія? Я совѣтую вамъ отложить свадьбу до тѣхъ поръ, пока вы не внушите ей столько довѣренности, что она съ радостью за вами послѣдуетъ.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Вы мой спаситель!.. благодарю и благословляю васъ. Я воспользуюсь вашимъ совѣтомъ.

(Вандеркъ протягиваетъ ему руку; Фюльжансъ съ чувствомъ пожимаетъ ее, но не предаваясь увлеченію.)

VII.

АНТУАНЪ, ВАНДЕРКЪ, ФЮЛЬЖАНСЪ.

АНТУАНЪ *(входя въ садовую дверь)*. Ну, что?

ВАНДЕРКЪ. Да я думаю, что придется отложить свадьбу.

АНТУАНЪ. Нѣтъ, ужъ извините, г. Вандеркъ: вы все дѣлаете къ лучшему, но не совсѣмъ хорошо понимаете дѣло... Викторина, съ которой я сейчасъ поговорилъ серьезно, согласилась съ моимъ мнѣніемъ... она любитъ Фюльжанса столько, что согласится на все; они обвѣнчаются въ будущее воскресенье, а на слѣдующей недѣлѣ уѣдутъ отсюда. Я обѣщалъ проводить ее и устроить тамъ, гдѣ захочетъ поселиться ея мужъ; потомъ я возвращусь сюда, устрою ваши дѣла и тогда ужъ поѣду жить къ дочери и зятю.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Боже мой!.. Неужели это правда, г. Антуанъ?

ВАНДЕРКЪ. Ступайте теперь работать, Фюльжансь. Надо быть спокойнымъ и не поддаваться впечатлѣніямъ. Мы еще увидимся.

VIII.

ВАНДЕРКЪ, АНТУАНЪ.

ВАНДЕРКЪ (*взволнованный*). И ты, Антуанъ, также покидаешь меня?

АНТУАНЪ. Покинуть васъ! никогда! если только вы сами меня не прогоните.

ВАНДЕРКЪ. Стало-быть, ты обманываешь свою дочь?

АНТУАНЪ. Что дѣлать: нужно! Еслибъ я не обѣщаль ѣхать жить съ нею, она ни за что не согласилась-бы слѣдовать за своимъ мужемъ.

ВАНДЕРКЪ. Стало-быть, болѣе всего огорчила-бы ее разлука съ отцемъ?

АНТУАНЪ. Разумѣется, потому-что она перестала сопротивляться, какъ скоро я далъ обѣщаніе ѣхать съ нею.

ВАНДЕРКЪ. Но хорошо-ли ты взвѣсилъ причины, заставляющія Фюльжанса удалиться отъ насъ? Знаешь-ли ты ихъ?

АНТУАНЪ (*озабоченный*). Нѣтъ!

ВАНДЕРКЪ. А между тѣмъ ты какъ будто-бы понималъ ихъ, потому-что согласился, не распросивъ.

АНТУАНЪ (*въ затрудненіи*). Что мнѣ за дѣло! Вѣдь онъ самъ этого хочетъ... Вы опредѣлите его въ какой-нибудь торговый домъ, гдѣ онъ будетъ добывать себѣ средства къ жизни; онъ не будетъ такъ свободенъ и счастливъ, какъ здѣсь, но если самъ этого хочетъ...

ВАНДЕРКЪ (*наблюдая его*). Ты что-то легко рѣшаешься на эту разлуку, на отъѣздъ твоей дочери.

АНТУАНЪ (*печально*). Э! да если Викторина хочетъ этого?

ВАНДЕРКЪ. Нѣтъ, не Викторина, а ты, Антуанъ, этого желаешь.

АНТУАНЪ (*съ нѣкоторой досадою*). Ну, такъ что-жь, если и я желаю этого!

ВАНДЕРКЪ. Антуанъ! ты ничего не хочешь мнѣ сказать, но я все знаю!

АНТУАНЪ (*смущенный*). Знаете, знаете... Да что вы знаете? Тутъ нечего знать, чортъ возьми!

ВАНДЕРКЪ. Я знаю, что Фюльжансь ревнивъ! Развѣ это ничего?

АНТУАНЪ. Онъ сказалъ вамъ, что онъ ревнивъ? онъ самъ не

знаетъ, что говорить. Онъ не можетъ ревновать, да и не къ кому! Что онъ вамъ сказалъ?

ВАНДЕРКЪ. Ничего, но я понялъ; я бы долженъ былъ понять раньше, угадать, предвидѣть. Ты бы также долженъ былъ угадать и предвидѣть! Антуанъ, ты слишкомъ меня любишь!

АНТУАНЪ. Какъ такъ?

ВАНДЕРКЪ. Да, вмѣсто того, чтобъ открыть мнѣ глаза, ты готовъ допустить меня до неблаголарности къ тебѣ.

АНТУАНЪ (*печально*). Я васъ не понимаю, но вижу, что вы избрали меня за то, что я люблю васъ больше всего на свѣтѣ, и это не хорошо.

ВАНДЕРКЪ. Ты не долженъ любить меня больше дочери, у тебя, въ отношеніи къ ней, болѣе священныя обязанности, ты долженъ отвѣчать Богу за ея добродѣтель и счастье гораздо больше, нежели за мои выгоды и спокойствіе.

АНТУАНЪ. Но скажите-же мнѣ ...

ВАНДЕРКЪ. Такъ какъ у тебя есть отъ меня тайны, то и я ничего тебѣ не скажу, а поговорю ...

АНТУАНЪ. Съ моей дочерью? о! не говорите, прошу васъ! Не говорите Викторинѣ ни одного слова, которое могло-бы заставить ея думать, что вы или я можемъ этимъ заниматься.

ВАНДЕРКЪ (*удивленный*). Я не имѣлъ намѣренія говорить съ Викториной. Я сына моего хочу допросить

АНТУАНЪ. Вашего сына!.. какъ это можно? вы хотите, стало-быть, сказать ему ... заставить его думать ... дать ему понять ... Какъ это можно! надо, чтобъ онъ не имѣлъ и идеи объ этомъ ...

ВАНДЕРКЪ. О чемъ-же?

АНТУАНЪ (*въ замѣшательствѣ*). О ... о томъ, что вы полагаете!

ВАНДЕРКЪ. О ревности Фюльжанса?

АНТУАНЪ (*съ живостью*). Да, да, именно, о ревности Фюльжанса. Это сумасбродство, чистѣйшее сумасбродство, и если не оставить его безъ вниманія, то будетъ еще хуже.

ВАНДЕРКЪ. Стало-бытъ, сынъ мой еще не замѣтилъ?

АНТУАНЪ. Какъ ему было замѣтить? Развѣ онъ виноватъ, что Фюльжансъ ревнивъ?

ВАНДЕРКЪ. А Викторина?

АНТУАНЪ (*съ усиленіемъ*). Викторина также ничего не подозреваетъ.

ВАНДЕРКЪ. Это доказываетъ, что сынъ мой ниоднимъ словомъ не поселилъ въ ней мысль, что онъ смотритъ на нее иначе, какъ на сестру. Однакожъ Викторина очень огорчена!

АНТУАНЪ (*перенося къ задней декорации кресло, которое стояло на левой сторонѣ*). Тѣмъ хуже! Но отъ этого не умираютъ! вы мнѣ ее избалуете, дай вамъ только волю!.. Нѣтъ, ей надо уѣхать отсюда, непременно надо.

ВАНДЕРКЪ (*пораженный замѣшательствомъ Антуана*). погоди! Отчего-же надо? Я это еще не совсѣмъ понимаю... Позови-ка сюда Жоржа.

АНТУАНЪ. Что вы хотите дѣлать?

ВАНДЕРКЪ. Увидишь! ступай!

(*Антуанъ перъшителъно выходитъ въ садовую дверь*).

IX.

ВАНДЕРКЪ, одинъ.

Нѣтъ! сынъ не виноватъ, но можетъ-быть... чувства, въ которыхъ ни онъ, ни Викторина не даютъ себѣ отчета... Можетъ-быть, Антуанъ ослѣпленъ... этотъ превосходный человѣкъ преданъ мнѣ, какъ нельзя болѣе!.. Это возвышенно, прекрасно, но излишняя привязанность вводитъ въ заблужденіе, и я въ настоящемъ случаѣ долженъ полагаться на одного себя.

X.

ВАНДЕРКЪ. АНТУАНЪ. ПОГОМЪ ЖОРЖЪ.

АНТУАНЪ (*входя первый изъ сада*). Вотъ вашъ сынъ... Долженъ-ли я...

ВАНДЕРКЪ. Ты долженъ слышать все, что я скажу ему. (*Антуанъ становится въ глубинѣ сцены, облокотясь на каминъ и слѣдя, въ какомъ-то оцѣпеннннн, за Вандеркомъ и Жоржемъ. — Жоржу, который входитъ*). Другъ мой, дѣло, о которомъ я хочу поговорить съ тобой, можетъ имѣть важныя послѣдствія, и я думаю, что ты поможешь мнѣ предупредить ихъ.

ЖОРЖЪ. Приказывайте, батюшка! я готовъ.

ВАНДЕРКЪ. Поѣзжай немедленно въ Парижъ.

ЖОРЖЪ (*содрогаясь*). Немедленно?

ВАНДЕРКЪ (*кратко, но съ нѣкоторою торжественностью*). Ты колеблешься? Тебѣ это непріятно?

ЖОРЖЪ. Могу ль я колебаться, когда дѣло идетъ о повинненіи

вамъ? Но я не располагалъ разстаться съ вами сегодня!.. Я сей часъ соберусь.

ВАНДЕРКЪ (*съ намекомъ*). Возьми одинъ чемоданъ; тебѣ пришлютъ все, что тебѣ будетъ нужно на все время пребыванія твоего въ Парижѣ.

ЖОРЖЪ. На все время моего пребыванія? Развѣ вамъ угодно, батюшка, чтобъ я долго тамъ остался?

ВАНДЕРКЪ. Мои дѣла и твои удовольствія вѣрно займутъ два мѣсяца. Ты самъ, кажется, хотѣлъ пробыть тамъ не менѣе двухъ мѣсяцовъ?

ЖОРЖЪ. Я разсудилъ послѣ, что мнѣ будетъ трудно прожить такъ долго въ разлукѣ съ вами и съ матушкою!

Г. ВАНДЕРКЪ. Нѣтъ—ли особенныхъ причинъ, которыя заставляютъ тебя перемѣнить прежнее намѣреніе? (*съ намекомъ, и подходя къ нему*). Еслибъ онѣ были, ты вѣрно мнѣ первому сказалъ бы ихъ? ... потому-что я твой лучший другъ и хочу имъ быть всегда! ...

ЖОРЖЪ. О! разумѣется, батюшка; вамъ однимъ я сказалъ бы все! ...

ВАНДЕРКЪ. Подумай объ этомъ хорошенько. Я пойду приготовлю векселя, и если тебѣ нужно что—нибудь сказать мнѣ ... такъ приходи (*онъ тихо выходитъ въ переднюю и оборачивается въ дверяхъ, чтобы взглянуть на Жоржа и Антуана*).

XI.

АНТУАНЪ и ЖОРЖЪ.

АНТУАНЪ. А я пойду приготовлю вашъ чемоданъ.

ЖОРЖЪ (*удерживая его*). Антуанъ! что случилось съ Викториною?

АНТУАНЪ. Что такое?

ЖОРЖЪ. Я видѣлъ ее сейчасъ въ саду, съ моею сестрой; у нея заплаканы глаза, она не хотѣла отвѣчать на мои вопросы.

АНТУАНЪ. Это ничего! Викторина похожа на всѣхъ молоденькихъ дѣвушекъ. Развѣ вы не знаете, что она плачетъ отъ каждой бездѣлицы? — оттого-что я прикрикну на нее немножко, оттого-что сестрица ваша позабудетъ поцѣловать ее, оттого-что улетитъ ея птичка или затеряется какая—нибудь ленточка; да мало—ли отчего? Она такой еще ребенокъ!

ЖОРЖЪ. Да, она плакала напередъ объ лентѣ, которую я ей привезъ, а ты у нея отнялъ.

АНТУАНЪ (съ неудовольствіемъ). Ну да, вотъ видите! Лента съ бахромой, какъ—будто ей прилично носить бахрому! Она такая кокетка! (онъ дѣлаетъ шагъ къ двери, ведущей къ передней; Жоржъ заграждаетъ дорогу и останавливаетъ его).

ЖОРЖЪ. Нѣтъ, Антуанъ, Викторина совсѣмъ не кокетка.

АНТУАНЪ (съ намъреніемъ). Она стала кокетничать, съ тѣхъ поръ какъ у нея завелся женихъ.

ЖОРЖЪ (подходя къ Антуану). Стало—быть, она очень его любитъ?

АНТУАНЪ. Что—же тутъ такого ... жениха любить не запрещается.

ЖОРЖЪ. Но если ты ошибаешься, ... если...

АНТУАНЪ. Это ужъ до меня касается, г. Жоржъ.

ЖОРЖЪ. Правда ... но участіе, которое я принимаю...

АНТУАНЪ. Да, да, разумѣется; благодарю васъ.

ЖОРЖЪ. Тебѣ не за что благодарить меня; это моя обязанность: ты такъ преданъ намъ! Вы для насъ тоже, что родные. Несчастіе Викторины сдѣлало—бы несчастнымъ тебя, и слѣдовательно всѣхъ насъ.

АНТУАНЪ. Но Викторина не будетъ несчастна, господинъ Жоржъ; я вамъ ручаюсь за это.

ЖОРЖЪ. Разумѣется, если она любитъ Фюльжанса ... Ты хорошо его знаешь? ...

АНТУАНЪ. Вы не хуже меня знаете, что онъ отличный, честный человѣкъ.

ЖОРЖЪ. Меня здѣсь не было, когда онъ опредѣлился къ намъ... А давно—ли ... какъ давно полюбила его Викторина?

АНТУАНЪ. Чувства молоденькой дѣвушки, господинъ Жоржъ, вещь такая деликатная .. что я, отецъ ея, никогда не осмѣлюсь задать ей вопросъ, который вы мнѣ дѣлаете. На мнѣ лежитъ обязанность угадать ея чувства ... и ободрять, если они похвальны. Викторина болѣе увѣрена въ себѣ, нежели я самъ; но я знаю, что она хочетъ выйти за-мужъ только за того, кому я далъ слово.

ЖОРЖЪ. Это другое дѣло! Прости мнѣ, Антуанъ, за мою нескромность. Но я расстаюсь съ тобой, не буду на Викторининой свадьбѣ ... не приму участія ни въ семейныхъ радостяхъ, ни въ горѣ ... такъ, можетъ быть, я имѣлъ нѣкоторое право выразить тебѣ мое участіе! ...

АНТУАНЪ. Я благодаренъ, господинъ Жоржъ! очень благодаренъ. Я васъ очень люблю, вы это знаете! ... Мнѣ жаль, что вы такъ скоро ѣдете, но ... но вѣрно это необходимо, если вашъ батюшка

самъ говорить ... притомъ-же столичныя развлечения скоро заставятъ васъ позабыть о насъ.

ЖОРЖЪ. Не такъ скоро, можетъ-быть, какъ ты думаешь!

АНТУАНЪ. Э, полноте! вы увидите столько прекрасныхъ вещей и людей высшаго полета! Будете въ театрахъ, на гуляньяхъ ... у васъ будутъ свои люди, свои лошади! ... О! вы обратите на себя вниманіе. И въ Парижѣ не много такихъ молодцовъ!

ЖОРЖЪ (*печально*). Добрый Антуанъ! ... Нечего дѣлать, пойду проститься съ батюшкой (*уходитъ*).

X.

АНТУАНЪ. одинъ.

А хозяинъ уговаривалъ его остаться! соглашался ... —О! что вы за человекъ, г. Вандеркъ! Это не увеличить моей любви къ вамъ, потому-что любить васъ больше я уже не могу, но это дастъ мнѣ еще болѣе силъ для исполненія моего долга! Можно-ли употребить во зло такую доброту! ... Нѣтъ, ... скорѣй умру съ печали!

XI.

АНТУАНЪ, СОФИ, ВИКТОРИНА.

СОФИ (*входя изъ сада*) А!—я тебя искала, Антуанъ! Не знаю, что сдѣлалось съ Викторинной, ни какъ не могу ее утѣшить. Посмотри, какъ она грустна. Викторина, расскажи отцу, о чемъ ты плачешь.

АНТУАНЪ (*тихо Викториннѣ, уводя ее на первый планъ*). Ты сказала, что мы ѣдемъ? Вѣдь я тебѣ запретилъ.

ВИКТОРИНА. Нѣтъ, нѣтъ, я ничего не сказала!

АНТУАНЪ. И теперь не говори; — завтра!

СОФИ. Да ты бранишь ее, Антуанъ, вмѣсто того, чтобъ утѣшать?

АНТУАНЪ. Глупости, ребячество! Извините, сударыня, мнѣ некогда ... Я нуженъ хозяину. (*всторону уходя*). О! всѣ слабѣютъ, и я не знаю, кого мнѣ слушать. (*Уходитъ*).

XII.

СОФИ, ВИКТОРИНА.

СОФИ. Какъ! ты не настаиваешь? Я удивляюсь твоей покорности, или, лучше сказать, слабости, равнодушію.

ВИКТОРИНА. Ахъ, сударыня!

СОФИ. Во-первыхъ, я не хочу, чтобъ ты меня называла сударыней; я для тебя Софи, прежняя Софи, которую ты вовсе не любишь, которую перестала любить, съ тѣхъ поръ, какъ полюбила этого Фюльжанса.

ВИКТОРИНА. Ахъ, Боже мой! я стараюсь любить его, и вы сами знаете, что ...

СОФИ. Что я знаю? Да отвѣчай-же! Если ты его не любишь, не выходи за него. Ахъ! еслибъ я не любила моего мужа, я бы не стала притворяться. Неужели ты думаешь, что отецъ твой будетъ радоваться, видя тебя несчастной, — можетъ-быть, преступною?

ВИКТОРИНА. Преступною? меня преступною?

СОФИ. Да, когда не любишь мужа, не трудно сдѣлаться преступною ... Можно безсознательно, невольно полюбить другого.

ВИКТОРИНА. Другого ... другого! Но я не люблю другого!.. что вы мнѣ это говорите, Софи?

СОФИ. Я хочу, чтобъ ты не позволяла приносить себя въ жертву, а ты не защищаешься.

ВИКТОРИНА. Но вѣдь папенька говоритъ, что надо! ...

ХІІІ.

ВАНДЕРКЪ. Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. СОФИ. ЖОРЖЪ. АНТУАНЪ. ВИКТОРИНА.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ (*входя изъ передней, говоритъ мужу*). Какъ, другъ мой, ты торопишь Жоржа уѣхать? Жоржъ не будетъ у нея на свадьбѣ? а онъ надѣялся повеселиться!

ВАНДЕРКЪ. Прости, что я тебя этимъ огорчаю, но есть дѣла, касающіяся чести ...

СОФИ (*пораженная*) Братецъ уѣзжаетъ? (*Викторина стоитъ, какъ окаменѣлая*).

ЖОРЖЪ. Да, милая сестра ... да, добрая маменька, я ѣду. Батюшка желаетъ этого, и я ни о чемъ не долженъ жалѣть, когда могу быть ему полезенъ.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Такъ поцѣлуй-же меня! Ты-добрый сынъ!

СОФИ. Но ты не долго будешь въ отлучкѣ?

ВАНДЕРКЪ. Два мѣсяца, можетъ быть.

ВИКТОРИНА. Два мѣсяца!

ЖОРЖЪ (*видя, что Антуанъ входитъ изъ передней, неся его чемоданъ, плащъ и шляпу*). Все готово, батюшка; нѣтъ-ли еще какихъ приказаній?

ВАНДЕРКЪ. Ты остановишься на день въ Бове, у Сюрмонта: онъ дастъ тебѣ свѣдѣнія касательно дѣла, о которомъ я тебѣ говорилъ, и, если будетъ можно, то пришли нарочнаго, но такого, на котораго было бы можно положиться.

ЖОРЖЪ. Прощайте, батюшка (*онъ бросается въ его объятія, потомъ переходитъ къ другимъ*). Добрая маменька! ... милая Софи!

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Мы проводимъ тебя до почтовой кареты.

ЖОРЖЪ. А ты, Викторина? Ты ничего мнѣ не говоришь? Ты на меня сердилась? Виноватъ не я, что не могу сдержать слово. Дай-же мнѣ руку. Ты уже будешь за мужемъ, когда я возвращусь.

ВИКТОРИНА. Ахъ, господинъ Жоржъ, тогда меня здѣсь не будетъ, я ужъ не увижу васъ.

ЖОРЖЪ. Чтò ты говоришь? Опомнись, Викторина!

АНТУАНЪ. Вѣдь вы знаете, что она у меня дурочка!

ЖОРЖЪ. Въ самомъ дѣлѣ, Богъ знаетъ, чтò съ тобой дѣлается, Викторина! Отвѣчай-же! Ну, какъ можно такъ смотрѣть на меня? Неужели-же ты думаешь, что мнѣ легко покидать моихъ добрыхъ родителей, нашъ домъ, въ которомъ такъ хорошо ... тебя, такую миленькую, когда ты не надуваешь губокъ!.. Еще разъ, прощайте, матушка... (*г. Вандеркъ дѣлаетъ ему знакъ*). Ёду, ёду, батюшка! Софи, ты будешь мнѣ писать? Антуанъ, ты меня извѣстишь о свадьбѣ?.. Прощайте, прощайте!.. (*быстро обращаясь къ Викторинѣ*). Да улыбнись-же! Ты видишь, что я выхожу изъ себя, чтобы какъ-нибудь оторваться отсюда! будь-же повеселѣе ... чтобы я могъ утѣшать себя мыслью, что ты счастлива (*беретъ разсыянно плащъ, который Антуанъ уже нѣсколько минутъ ему протягиваетъ*). Думай о своемъ великолѣпномъ платьѣ, объ ожерельѣ, о часахъ ... а въ день свадьбы, вспомни о тетушкѣ моей маркизѣ, и вели нести за собой шлейфъ маленькому негру, котораго я вывезъ ... Да смѣйся-же ... хоть немножко ... вотъ такъ .. ну, еще!

ВИКТОРИНА (*нервически смѣясь*). Да, да, я ужасно буду смѣяться ... наряжусь ... буду думать о васъ ... о вашей тетушкѣ ... буду важничать ... и негра возьму ... Софи все это опишетъ вамъ ... и вы будете тамъ смѣяться ... не правда-ли ... вы будете смѣяться?..

ЖОРЖЪ. А! вотъ она смѣется. Слава Богу! Благодарю, Викторина. Прощайте, прощайте!

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Мы проводимъ тебя (*всѣ уходятъ, за исключеніемъ Викторины и Софи, которая тотчасъ-же возвращается*).

XVI.

ВИКТОРИНА продолжает смѣяться безсознательнымъ смѣхомъ, потомъ начинаетъ рыдать, и падаетъ безъ чувствъ въ кресла, стоящія на лѣвой сторонѣ, у столика. **СОФИ** возвращается и бѣжитъ къ ней.

СОФИ. Боже мой! что это? Викторина! Ахъ! я не обманывалась! А Жоржъ уѣхалъ! (*поддерживаетъ Викторину*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната Софи: та-же декорация, что и во второмъ дѣйствіи. — Ночь. — Комната освѣщена стоящими на консоляхъ канделябрами.

Г. ВАНДЕРКЪ и СОФИ.

СОФИ (*сидитъ у столика и шьетъ по канвъ*). Ахъ, папенька! еслибъ я была наканунѣ моей свадьбы такъ печальна и взволнована, какъ она всю эту недѣлю, то вы ни за что-бы не согласились...

ВАНДЕРКЪ (*сидитъ по другую сторону столика*). Тутъ обстоятельства не тѣ, да и характеры другіе. Ты соединяешь твердость съ кротостью, а Викторина слаба и нерѣшительна.

СОФИ. Но если братъ...

ВАНДЕРКЪ. Ну, что такое! — братъ?..

СОФИ. Ахъ! папенька, вы понимаете, что я хочу сказать; иначе вы не заставили-бы его уѣхать отсюда.

ВАНДЕРКЪ. Берегись, Софи! Надо думать и говорить осторожно!

СОФИ. Стало-быть, любовь брата къ Викторинѣ была бы преступленіемъ, и я ошибаюсь, думая, что вы согласились-бы...

ВАНДЕРКЪ. Передъ Богомъ нѣтъ неравныхъ браковъ. Такой слуга, какъ Антуанъ, истинный другъ; притомъ-же я съ самого дѣтства старался внушить тебѣ мысль, что Викторина тебѣ подруга и равная.

СОФИ. Такъ что-же, папенька?

ВАНДЕРКЪ. А то, дочка, что свѣтъ, имѣющій много здравыхъ и почтенныхъ убѣжденій, общихъ всеѣмъ слоямъ общества, имѣетъ также множество предразсудковъ, противъ которыхъ похвально бороться; а для того, чтобы бороться, надо быть сильнымъ. Братъ твой, я

надѣюсь, возмужаетъ со временемъ; но онъ еще очень молодъ, и едва знаетъ себя. Знаю, что сильная страсть, возвышенная любовь, порождаютъ самоотверженіе, но братъ твой не чувствуетъ сильной страсти.

СОФИ. Однакожъ онъ совсѣмъ перемѣнился, съ тѣхъ поръ какъ заговорили о замужствѣ Викторины. Прежде, онъ любилъ ее какъ друга, не болѣе... Съ того дня, какъ ее обѣщали Фюльжансу, онъ часто заговаривалъ о томъ, что желалъ-бы оставить морскую службу и жениться. То хотѣлось ему уѣхать отсюда, то остаться здѣсь; то онъ чувствовалъ вдругъ потребность побывать въ Парижѣ, разсѣяться... то желалъ открыть вамъ сердце свое... Я все это видѣла.

ВАНДЕРКЪ. Но вмѣсто того, чтобъ открыть мнѣ свое сердце, онъ уѣхалъ... Положимъ, что Жоржъ и любилъ Викторину, такъ, слегка; но онъ заглушилъ свою любовь, и чувствуя, что влюбленъ не серьезно, послушался голоса чести, который приказывалъ ему удалиться (*встаетъ*).

СОФИ. Правда!.. Бѣдная Викторина!

II.

АНТУАНЪ (*входитъ изъ передней, со свѣчей въ рукѣ*). Извините, сударыня, что я осмѣлился войти къ вамъ и побезпокоить вашего батюшку; но мнѣ надо отдать ему письмо, какъ кажется, очень нужное, я нашелъ его сейчасъ на моемъ письменномъ столѣ.

СОФИ (*встаетъ и идетъ къ дверямъ своей комнаты*). Читайте, читайте, папенька. Остаься, Антуанъ! Я пойду къ себѣ, ждать Викторину. (*Уходитъ*).

III.

ВАНДЕРКЪ и АНТУАНЪ.

ВАНДЕРКЪ (*озабоченный, держитъ письмо, не глядя на него*). Ну что, Антуанъ, кончилъ ты приготовленія къ свадьбѣ?

АНТУАНЪ. Кончилъ. Мы пойдемъ въ церковь завтра утромъ, ровно въ девять часовъ. Ахъ! я желалъ бы уже быть на возвратномъ пути!

ВАНДЕРКЪ. Какъ ты торопишься!

АНТУАНЪ. Да вѣдь Фюльжансъ безпокойнѣе, нежели вы думаете; сегодня вечеромъ онъ просто несносенъ.

ВАНДЕРКЪ. Но Викторина ѣдетъ съ нимъ, чегоже ему еще надо? Онъ ужъ, право, слишкомъ взыскателенъ.

АНТУАНЪ. Взыскателенъ или нѣтъ, а отступить теперь нельзя.

ВАНДЕРКЪ. Однакожь, если это замужство составитъ несчастіе Викторины?

АНТУАНЪ. Нѣтъ, я надѣюсь на нее, на себя, въ особенности на Бога; притомъ-же собственный мой опытъ говорить въ пользу этого брака. Покойница мать ея также не очень, меня любила, когда я на ней женился; неровности моего характера пугали ее; но я столько любилъ ее, что счумѣлъ сдѣлать счастливой, и вы сами знаете, какъ она благословляла меня, умирая.

ВАНДЕРКЪ. Да, она была образецъ женщины и матери. Но ты не былъ ревнивъ!

АНТУАНЪ. Я былъ ревнивъ.

ВАНДЕРКЪ. По-крайней-мѣрѣ, ты этого не показывалъ.

АНТУАНЪ. Случалось иногда... Повѣрьте, Викторина полюбитъ своего мужа точно также, какъ меня любила ея мать, со всѣми моими достоинствами и недостатками... Но прочтите письмо: оно, кажется, нужное.

ВАНДЕРКЪ (*глядя на письмо*). Да, написано, что нужное; но это еще ничего не значитъ.

АНТУАНЪ. Прочестъ вѣдь не долго. Дѣла важнѣе всего!

ВАНДЕРКЪ (*подходитъ къ свѣчамъ и прочитавъ письмо*). Рука Жоржа... да! На адресѣ онъ поддѣлалъ ее (*перевертываетъ письмо*) но все-таки я узнаю его руку. Антуанъ! извѣстіе довольно важное. Посмотри.

АНТУАНЪ (*читая у канделябра, стоящаго на правой сторонѣ*). «Гаррисъ и Морриссонъ объявили себя несостоятельными; надѣюсь, что «извѣщаю васъ объ этомъ во-время, и что вы успѣете еще принять «нужныя мѣры.» Это, кажется, нисколько не смущаетъ васъ?

ВАНДЕРКЪ. Я ждалъ этого извѣстія.

АНТУАНЪ. Но вѣдь вамъ надо прискаты, въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, шестьсотъ... что я говорю, семь, восемь сотъ тысячъ ливровъ.

ВАНДЕРКЪ (*спокойно*). Деньги найдутся; я все предусмотрѣлъ.

АНТУАНЪ. И ничего мнѣ не сказали!

ВАНДЕРКЪ. Зачѣмъ было говорить? У тебя и своихъ заботъ довольно.

АНТУАНЪ. Что значать мои заботы, когда дѣло идетъ о вашихъ?

ВАНДЕРКЪ. Но ктоже привезъ это письмо?

АНТУАНЪ. Я никого не видалъ. Я нашелъ письмо на моемъ письменномъ столѣ, минутъ десять тому назадъ.

ВАНДЕРКЪ. Вѣрно прислано съ нарочнымъ.

АНТУАНЪ. Пойду, отыщу его и приведу къ вамъ.

ВАНДЕРКЪ. Проведи его въ кабинетъ. Я хочу, чтобъ семейство мое ничего не знало.

АНТУАНЪ. Будьте спокойны.

(*Вандеркъ уходитъ.*)

IV.

АНТУАНЪ, потомъ **ФЮЛЬЖАНСЪ,** входятъ изъ сада, какъ бы украдкой и очень взволнованный.

АНТУАНЪ. Куда къ чорту могъ дѣваться этотъ человѣкъ? Бьюсь объ закладъ, что онъ завалился гдѣ-нибудь на сѣнѣ, въ конюшнѣ. Скакалъ сюда, я думаю, сломя голову... А! Фюльжансъ!... не видалъ-ли ты его?

ФЮЛЬЖАНСЪ. А вы?

АНТУАНЪ (*беретъ свою свѣчу и готовится уйти*). Нѣтъ. Гдѣ онъ?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Я его ищу.

АНТУАНЪ. Онъ долженъ быть въ конюшнѣ или въ кухнѣ.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Господинъ Жоржъ Вандеркъ въ конюшнѣ? въ кухнѣ?

АНТУАНЪ. Э! кто тебѣ говоритъ о господинѣ Жоржѣ? Развѣ онъ самъ прѣхалъ?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Не знаю. Я васъ спрашиваю.

АНТУАНЪ. Вотъ это хорошо! Да что мы, въ загадки что-ли играемъ? Мнѣ некогда терять время на эти глупости. Пойдемъ искать посланнаго. (*Идетъ къ садовой двери.*)

ФЮЛЬЖАНСЪ (*иронически*). А! такъ стало-быть, это посланный?

АНТУАНЪ (*съ досадой*). Ну, да! посланный, который привезъ депешу; хозяинъ хочетъ съ нимъ говорить, а я еще не видалъ его. Ясно-ли?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Господинъ Антуанъ! вы говорите со мной такимъ тономъ...

АНТУАНЪ. Э! чортъ возьми! да самъ-то ты какъ говоришь со мной?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Я еще не зять вамъ, господинъ Антуанъ, и имѣю право беспокоиться... Я играю здѣсь въ большую игру: ставлю честь мою на карту!

АНТУАНЪ. О! какое надо терпѣнiе! Ты съ ума сошелъ, Фюльжансъ; ну, что общаго между твоей честью и человѣкомъ, который привезъ письмо?... Пойду самъ...

ФЮЛЬЖАНСЪ. Вотъ видите-ли, вы сами чего-то опасаетесь...

АНТУАНЪ. Убирайся къ чорту! я теряю терпѣнiе.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Хорошо ; но знайте, что гнѣвъ вашъ не заставитъ меня переменить мыслей. Я говорю вамъ, что человекъ, который пришелъ сюда, съ ногъ до головы закутанъ въ плащъ и прячется, что его знаютъ собаки, потому-что не лаютъ, что онъ, наконецъ, прокрался въ домъ какъ тѣнь...

АНТУАНЪ (*Пожимаетъ плечами. Онъ уже у дверей въ переднюю*). Ужъ не воръ-ли?... Пойдемъ поскорѣе!

ФЮЛЬЖАНСЪ (*иронически*) Вы шутите, господинъ Антуанъ?... Шутите, шутите, но берегитесь, какъ бы вамъ не пришлось открыть что-нибудь такое, чего-бы вамъ не хотѣлось знать.

АНТУАНЪ (*всторону*). Этотъ сумасбродъ пугаетъ меня!... Неужели?... Нѣтъ, нѣтъ! (*Возвращаясь, вслухъ.*) Послушай, Фюльжансъ! скажешь-ли ты мнѣ, наконецъ, въ первый и послѣдній разъ, что ты подозрѣваешь, и что дѣлаетъ тебя такимъ сварливымъ и недовольнымъ наканунѣ свадьбы?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Извольте, я скажу, хотя вы сами все знаете, и вопросъ вашъ неискренъ. Я скажу вамъ все, потому-что не привыкъ такъ ужасно страдать. Я былъ спокоенъ, трудолюбивъ и безстрастенъ. Я не зналъ, что такое любовь. Мнѣ кажется, что я не рожденъ для любви, потому-что для любви необходима довѣренность, а у меня ея нѣтъ... Зачѣмъ отдаете вы мнѣ вашу дочь? Зачѣмъ дочери вашей даютъ денегъ, когда она выходитъ за человека, у котораго ничего нѣтъ? Отчего вы такъ торопитесь обвинять насъ? Отчего господинъ Жоржъ Вандеркъ уѣхалъ отсюда въ ту самую минуту, когда я начиналъ подозрѣвать его? И если это онъ прѣхалъ сюда сегодня вечеромъ, то зачѣмъ?

АНТУАНЪ (*слушавшій его съ смущеніемъ и озабоченнымъ видомъ, идетъ къ столу, чтобы поставить свѣчу и ставитъ ее съ такимъ порывистымъ движеніемъ, что она гаснетъ*). О! какъ ты счастливъ, что я самъ былъ когда-то ревнивъ! Безъ этого, я не выслушалъ-бы такъ терпѣливо твоихъ подозрѣній. Но ревность—болѣзнь! (*Возвращается къ Фюльжансу и мало по малу разгорячается, не смотря на то, что въ началѣ объясненія старался быть спокойнымъ.*) Фюльжансъ! я даю тебѣ дочь мою, потому-что хочу выдать ее за честнаго человека. Я тороплю свадьбу, потому-что знаю, что ты оцѣнишь Викторину, когда узнаешь ее покорооче. Господинъ Вандеркъ даетъ ей деньги, потому-что любитъ меня. Эти деньги огорчаютъ тебя? Тѣмъ лучше! мы возвратимъ ихъ, не говоря ни слова, въ его кассу. (*Всторону.*) Это будетъ теперь, можетъ-быть, вовсе не лишнимъ. (*Вслухъ.*) Господинъ Жоржъ Вандеркъ уѣхалъ... да, я скажу тебѣ

всю правду: онъ уѣхалъ, потому-что отецъ его замѣтилъ твою ревность и удалилъ его, по добротѣ своей къ тебѣ ... ко мнѣ! А если онъ возвратился сюда сегодня вечеромъ, — чему я не вѣрю, — то вѣроятно потому-что хотѣлъ лично передать отцу важное извѣстiе, о которомъ ты скоро узнаешь. Прятался же онъ... да это неправда, ты видѣлъ это во снѣ, следовательно нечего и доискиваться причинъ.

(Идетъ къ столу, чтобы взять свою связку, пожимая плечами)

ФЮЛЬЖАНСЪ *(съ горечью)*. Ваше объясненiе закрываетъ мнѣ ротъ. Оно предписываетъ мнѣ не знать, ради приличiя, что здѣсь дѣлается. Оно уполномочиваетъ васъ идти одному на развѣдку... Но и я пойду: почтительнѣйше увѣдомляю васъ о томъ.

АНТУАНЪ. Пожалуй; но могу сказать, что голова у тебя желѣзная.

V.

ФЮЛЬЖАНСЪ, одинъ,

Да, да, если только господинъ Антуанъ самъ не попался въ обманъ, то онъ очень хитеръ. Увидимъ!... Ахъ, Викторина! есть минуты, когда я жалѣю, что еще не властелинъ твой и не имѣю права заставить тебя страдать! Чувствую, что становлюсь злымъ и что принесу въ жертву и ее и себя! Не лучше-ли разорвать все?... Но скажутъ, что я оскорбляю ее, пятнаю ее честное имя... Надо осмотрѣть садъ, потому-что тамъ скрылась проклятая тѣнь....

(Идетъ къ двери, ведущей въ садъ, но останавливается, увидя Софи, вышедшую изъ своей комнаты).

VI.

СОФИ, **ФЮЛЬЖАНСЪ**.

СОФИ *(удивленная)*. Господинъ Фюльжансъ!... что вамъ здѣсь угодно?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Ничего, сударыня; я пришелъ за господиномъ Антуаномъ и уйду. *(Дѣлаетъ движенiе къ садовой двери)*.

СОФИ *(указывая ему на дверь передней)*. Не угодно-ли сюда?

(Фюльжансъ уходитъ.)

VII.

СОФИ. одна.

Какой у него угрожающий и злобный видъ! Терпѣть не могу этого человѣка. Что онъ тамъ смотрѣлъ въ садъ? (*Подымаетъ занавѣсь.*) Вѣчно и вездѣ подсматриваетъ! (*Отворяетъ стеклянную дверь и быстро затворяетъ ее.*) Мужчина въ плащѣ! Мнѣ страшно... Впрочемъ, это вѣрно папенька... а, можетъ быть, мужъ, которому вздумалось сдѣлать мнѣ сюрпризъ... (*Возвращается къ двери.*) Ахъ! Боже мой, братъ! (*Обнимаетъ входящаго брата.*)

VIII.

СОФИ, ЖОРЖЪ, закутанный въ плащъ.

ЖОРЖЪ. Да, это я, сестра. Меня могутъ открыть въ саду, потому что, кажется, ищутъ, и я пришелъ искать у тебя убѣжища. Я не хочу, чтобъ меня видѣли.

СОФИ. Не хочешь, чтобъ тебя видѣли?

ЖОРЖЪ. Да! Затвори, пожалуйста, двери. (*Онъ затворяетъ дверь въ садъ, а Софи дверь въ переднюю.*)

СОФИ. Скажи же мнѣ скорѣе....

ЖОРЖЪ (*идетъ къ левой двери*). А здѣсь?... Отсюда никто насъ не услышитъ? Мужъ твой прѣхалъ?

СОФИ. Нѣтъ; я жду его не раньше завтрашняго дня. Если ты боишься, чтобъ тебя не застали, такъ запишись въ его комнату. (*Показываетъ ему на правую дверь*). Но къ чему такая таинственность? Что случилось?

ЖОРЖЪ. Ничего... Дѣловое извѣстiе, которое я узналъ въ Бове, гдѣ батюшка приказывалъ мнѣ остановиться для справокъ... Я не хотѣлъ довѣрить этого извѣстiя постороннему лицу. Не знаешь ли ты, получилъ онъ письмо, которое было на письменномъ столѣ Антуана?

СОФИ. Получилъ. Я видѣла, какъ Антуанъ отдалъ его... Но зачѣмъ было писать? отчего ты не хочешь повидаться съ батюшкой?

ЖОРЖЪ. Хотѣлъ дождаться, чтобъ все улеглось; мнѣ хотѣлось видѣть батюшку одного. До моей комнаты я не могъ добраться, потому что Фюльжансъ слѣдилъ за мной, какъ тѣнь.

СОФИ. А!... Но можетъ-быть, ты нехорошо дѣлаешь, что такъ прячешься?

ЖОРЖЪ. Можетъ—быть, худо и то, что я воротился! Но я не останусь, Софи... Еще нѣсколько минутъ, обниму тебя, и тотчасъ же уѣду.

СОФИ. Благодарю за дружбу... Но не нужно ли тебѣ сообщить мнѣ что-нибудь?

ЖОРЖЪ (*смущенный*). Ничего особеннаго... Да, кстати! была ужъ свадьба?

СОФИ. Свадьба Викторины?

ЖОРЖЪ. Да!

СОФИ. А если-бъ была?

ЖОРЖЪ. Это не переменяло бы моего намѣренія, я тотчасъ-же уѣду отсюда. Почтовый экипажъ ждетъ меня за городомъ, и я хочу пуститься въ Парижъ еще до разсвѣта... Такъ свадьба была?... Должно-быть, была...

СОФИ. А если нѣтъ?

ЖОРЖЪ. Нѣтъ еще?... Какъ! Софи, они еще не обвѣчаны?

СОФИ. Ихъ вѣчаютъ завтра утромъ.

ЖОРЖЪ. Навѣрное?

СОФИ. О разрывѣ, по крайней мѣрѣ, не было рѣчи.

ЖОРЖЪ (*съ разсѣянными видами, потряхиваетъ своими перчатками и избѣгаетъ взоровъ сестры*). А что Викторина?... весела или печальна?... будетъ-ли она счастлива?..

СОФИ. За будущее отвѣчать никто не можетъ.

ЖОРЖЪ. Правда. И самъ-то я... что знаю о моемъ будущемъ? Я о немъ не думалъ даже, когда пустился отсюда... посмотрѣть на свѣтъ!.. а потомъ, въ послѣднюю минуту, мнѣ стало жаль, что не придумалъ чего-нибудь поумнѣе.

СОФИ. Отчего-же не сказалъ ты о своемъ сожалѣнн батюшкѣ?

ЖОРЖЪ. Поздно было!

СОФИ. Отчего-же?

ЖОРЖЪ. Ахъ! Софи, теперь признанье мое ни къ чему уже не послужить.

СОФИ (*обращаясь къ Жоржу, который ходитъ въ волненіи*). Ты думалъ, можетъ-быть, о женитбѣ? Ты любишь, Жоржъ? На что бы ты ни рѣшился, батюшка вѣрно все одобритъ какъ скоро ты скажешь ему: я люблю нѣжно, глубоко и на всю жизнь.

ЖОРЖЪ. Развѣ я увѣренъ въ силѣ любви моей, чтобы рѣшиться на такую клятву? мое сердце сдѣлалось для меня загадкою. Я колеблюсь, стараюсь развлечься, страдаю... а меня не только не ободряютъ, а, напротивъ, какъ будто стараются отнять у меня всякую надежду...

Тогда я силюсь все забыть, разсѣяться, а какъ меня не любятъ, то умнѣ этого мнѣ и поступать, кажется, нельзя.

СОФИ. А! такъ ты колеблешься, чувствуешь, что могъ-бы легко излечиться, не хочешь отдать своего сердца вполнѣ, не будучи нанередъ увѣренъ во взаимности? Когда любишь истинно, то вопросъ о томъ, будешь ли счастливъ, не приходитъ въ голову. Любишь, потому что любишь, вотъ и все! А ты не любишь, *Жоржъ (встаетъ)*. Не думай же объ этомъ, не играй чужою будущностью, когда оставляешь на произволь случая свою собственную. Уѣзжай, когда все лягутъ. Я никому не скажу, что тебя видѣла.

ЖОРЖЪ. Батюшка разсердился-бы, можетъ-быть, еслибъ узналъ, что я пріѣзжалъ!..

СОФИ. Можетъ-быть!.. но идутъ, спрячься.

ЖОРЖЪ (*идетъ къ правой двери*). Мы еще увидимся на минутку и поговоримъ.

СОФИ. Да, да! Запри за собою дверь! (*она притворяетъ за ними дверь и идетъ отворить дверь передней*).

IX.

АНТУАНЪ, Г-НЪ и Г-ЖА ВАНДЕРКЪ, СОФИ, ВИКТОРИНА. Софи, Викторина и г-жа Вандеркъ стоятъ обнявшись и образуютъ группу. Г Вандеркъ и Антуанъ подходят къ авансценѣ.

ВАНДЕРКЪ. Ты говоришь, что не нашель посланнаго?

АНТУАНЪ. Провалился, должно-быть. Никто не видалъ ни его, ни лошади, а письмо упало съ неба!

СОФИ. Это оттого — что въ домѣ не все въ порядкѣ, по случаю завтрашней свадьбы.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Что это такъ тревожитъ васъ? И что за письмо? ... нѣтъ-ли въ немъ чего нибудь? . .

ВАНДЕРКЪ. Ничего, ничего, мой другъ. Меня, благодаря Бога, ничто не тревожитъ. (*Тихо Антуану*). Вѣрно, Жоржъ приказалъ ему не оставаться здѣсь ни минуты и ни съ кѣмъ не говорить, чтобъ не надѣлать въ домѣ шума. Онъ поручилъ, вѣроятно, это важное дѣло своему камердинеру.

АНТУАНЪ. Вѣроятно; потому-что посланный знаетъ, новидимому, все проходы въ домѣ.

ВАНДЕРКЪ (*обращаясь къ Софи*). Мы привели тебѣ Викторину

и сами пришли пожелать тебѣ покойной ночи. Ты что-то сердилась на насъ сегодня вечеромъ и не хотѣла носидѣть съ нами.

СОФИ. Я сердилась? ... О! неправда!

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Она только и думаетъ теперь о скоромъ приѣздѣ мужа (*къ Софи ласково*). Но мы прощаемъ тебя ... Завтрашній день былъ-бы настоящимъ семейнымъ праздникомъ, еслибъ Жоржъ былъ дома, и еслибъ Викторина насъ не покидала

ВИКТОРИНА. Ахъ! я задыхаюсь, когда вспомню объ этомъ! Не забывайте, пожалуйста.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Боже мой! да у тебя дрожь! А еще недавно, ты была такъ безпечна и весела, что я почти готова была обвинить тебя, что ты разстаешься съ нами безъ сожалѣнія?

АНТУАНЪ. Она сама не знаетъ, что думаетъ: такая капризная!

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ (*наблюдая Викторину*). Это правда, что она немного капризна ... съ нѣкотораго времени .. особенно сегодня ... Ужъ не опять-ли у нея лихорадка?

АНТУАНЪ. Нѣтъ, нѣтъ, сегодня она здорова.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ (*мужу*). Другъ мой, вы нашъ домашній врачъ, единственный, какъ вы знаете, къ которому я имѣю довѣріе; посмотрите ...

ВАНДЕРКЪ (*беретъ, улыбаясь, Викторину за руку*). Пожалуйста-ка сюда, госпожа больная.

ВИКТОРИНА О! я не больна (*всторону*), къ несчастію!

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ (*мужу, который, щупая Викторинъ пульсъ, сдѣлался серьезенъ*). Ну, что?

ВАНДЕРКЪ. Она была сегодня очень взволнована; у нея лихорадка.

АНТУАНЪ. Въ ея лѣта у дѣвушекъ всегда лихорадка.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Но если она и завтра будетъ нездорова, то надо будетъ отложить свадьбу. Тѣлесное страданіе отзывается всегда и въ нравственномъ отношеніи, а въ день, который рѣшаетъ судьбу всей остальной жизни, надо, чтобъ не было ни одной грустной мысли.

АНТУАНЪ (*всторону*). Ну! и хозяйка вмѣшалась! (*г-ну Вандеркъ*) Пошлите Викторину спать. Ужъ поздно.

ВАНДЕРКЪ. Да, да, надо, чтобъ она поскорѣе легла и хорошенько уснула.

АНТУАНЪ (*дочери*). Слышишь? Господинъ Вандеркъ хочетъ, чтобъ ты спала.

ВИКТОРИНА. Развѣ можно спать по заказу?

АНТУАНЪ. Вѣчно упрямство .. даже въ бездѣлицахъ! И все только, чтобъ сдѣлать на переکورъ.

ВИКТОРИНА. Я буду спать, папенька, буду!

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Поцѣлуй же отца, который вѣчно бранить тебя ... потому-что обожаетъ (*понижая голосъ*). И не забудь, что я совѣтовала тебѣ сказать ему.

ВИКТОРИНА. О! нѣтъ, не забуду. Папенька, мнѣ нужно поговорить съ вами наединѣ.

АНТУАНЪ. Наединѣ?

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Да, Антуанъ. Мы оставляемъ васъ. Прощай, Викторина! (*цѣлуетъ Викторину*). Прощай, дочь моя (*цѣлуетъ дочь*, *Вандеркъ также цѣлуетъ Софи*, *затѣмъ оба уходятъ черезъ переднюю, а Софи въ свою комнату*).

X.

АНТУАНЪ, ВИКТОРИНА.

АНТУАНЪ. Говори! что такое?

ВИКТОРИНА (*становясь на колѣна*). Папенька, господинъ и госпожа Вандеркъ благословили меня сегодня вечеромъ; не угодно-ли и вамъ благословить меня?

АНТУАНЪ. Ты хочешь меня разжалобить? Встань, встань! Всѣ эти церемоніи только разстрониваютъ.

ВИКТОРИНА. И поцѣловать-то вы меня не хотите?

АНТУАНЪ. Поцѣловать я не отказываюсь.

ВИКТОРИНА (*прильнувъ къ отцу*). Папенька! милый папенька!

АНТУАНЪ. Опять слезы? Это наконецъ несносно!

ВИКТОРИНА. Я не плачу. Вотъ уже восемь долгихъ дней, что я не плакала. Стоило-же мнѣ исправляться, когда вы даже не замѣчаете! Посмотрите, глаза мои сухи.

АНТУАНЪ (*смущенный*). Они что-то очень блестятъ!.. Ты вѣдь не серьезно больна?

ВИКТОРИНА. О! разумѣется нѣтъ!

АНТУАНЪ. Голова у тебя не болитъ?

ВИКТОРИНА. Немного ... но это пройдетъ.

АНТУАНЪ. Да, да, разумѣется пройдетъ. (*Ходитъ взадъ и впередъ*). Неужели у тебя въ самомъ дѣлѣ лихорадка?

ВИКТОРИНА. Не думаю. Посмотрите, руки у меня холодныя.

АНТУАНЪ. Напротивъ, онѣ очень горячи. Тебѣ нездоровится?

ВИКТОРИНА. Я ничего не чувствую.

АНТУАНЪ. Если ты ночью почувствуешь себя худо. — позови.

ВИКТОРИНА. О! мнѣ не хотѣлось-бы будить Софи.

АНТУАНЪ. Зачѣмъ-же будить. Ты позвони ... вотъ здѣсь, этотъ колокольчикъ проведенъ въ мой кабинетъ. Я до утра проработаю тамъ съ хозяиномъ.

ВИКТОРИНА. Не безпокойтесь, папенька, я буду здорова.

АНТУАНЪ. И завтра?

ВИКТОРИНА. И завтра.

АНТУАНЪ. Будешь свѣженькой, хорошенькой?.. не будетъ печальна? — это огорчило-бы меня. Неприлично быть и слишкомъ веселой, а надо имѣть скромный видъ ... въ церкви стоять благочестиво, обходиться со всеми ласково ... быть, однимъ словомъ, такую, какая ты всегда.

ВИКТОРИНА. Вы будете мною довольны. О! я не желала-бы огорчить васъ въ такой день.

АНТУАНЪ. Хорошо, дитя мое, благодарю тебя.

ВИКТОРИНА. А теперь вы меня благословите? Другой награды я не требую за мою покорность.

АНТУАНЪ (*прижимая ее къ груди*). Я доволенъ тобою ... (*неволь-но растрогивается*). Благословляю тебя! Я люблю тебя ... да, отъ всей души люблю (*съ горячностью цѣлуетъ ее нѣсколько разъ — всторону, поднимая глаза къ небу и продолжая держать ее въ своихъ объятіяхъ*). Ахъ! господинъ Вандеркъ, вы не знаете, какъ я страдаю! (*Викторинь, которую онъ тихо отъ себя отталкиваетъ*). Пора, хозяинъ ждетъ меня, а тебѣ время отдохнуть ... помолись Богу, вспомни о твоей бѣдной матеря, которая была честная женщина .. да больше ужъ ни о чемъ и не думай. Слышишь-ли?

ВИКТОРИНА. Слушаю, папенька

АНТУАНЪ (*уходя и останавливаясь, чтобъ посмотреть на Викторину, которая стоитъ неподвижно; всторону*). Мнѣ было легче, когда она плакала! Ахъ! внутренней-то рѣшимости въ ней нѣтъ. (*вслухъ*) Викторина!

ВИКТОРИНА (*вздвогнувъ*). Что прикажете, папенька?

АНТУАНЪ. Послушай! (*всторону*). Да, надо подкрѣпить ея волю. (*вслухъ*) Слушай внимательно. Чувствуешь-ли ты въ себѣ рѣшимость, настоящую рѣшимость? (*садится и сажаетъ ее къ себѣ на колѣна*).

ВИКТОРИНА. Мнѣ кажется, что у меня ея много.

АНТУАНЪ. Она-то, видишь-ли, и нужна для исполненія долга... Есть-

ли въ тебѣ гордость ... уваженіе къ самой себѣ ... есть-ли въ тебѣ, какъ говорится, сердце?

ВИКТОРИНА. Я надѣюсь.

АНТУАНЪ. Такъ надо выдти за Фюльжанса.

ВИКТОРИНА. Развѣ я противлюсь вашему желанію?

АНТУАНЪ. О! не я этого желаю, а совѣсть и честь предпринимають.

ВИКТОРИНА. Какъ-же это? Почему?

АНТУАНЪ. А вотъ видишь-ли... Не дрожи-же такъ, мнѣ тяжело говорить тебѣ объ этомъ, а надо. Фюльжансъ воображаетъ, что ты кого-то любишь... кого бы не должна любить.

ВИКТОРИНА (*съ живостію*). Неправда.

АНТУАНЪ. Я-то знаю, что неправда, а онъ думаетъ, что правда; слѣдовательно, и другіе могутъ подумать. Тогда вотъ что про тебя скажутъ: какова Викторина, дочь Антуана, который, все-таки, не болѣе, какъ первый слуга г. Вандерка? мѣтитъ выше себя и вообразила, что выйдеть за мужъ....

ВИКТОРИНА. За кого?

АНТУАНЪ. За кого? за хозяйскаго сына! какова! за молодаго человека богатаго, знатнаго, который видитъ въ ней подругу дѣтства и больше ничего. Что-жъ бы вы думали? оттого-что съ ней хорошо обращаются, что ее ласкають, она имѣла глупость вообразить, что можетъ сдѣлать знатную партію и пренебрегаетъ равнымъ себѣ.

ВИКТОРИНА. О! что вы говорите, папенька? неужели господинъ Фюльжансъ это думаетъ? неужели про меня будутъ такъ говорить?

АНТУАНЪ. Будутъ говорить и думать, если ты не выйдешь замужъ съ рѣшимостью и охотой. А если господинъ и госпожа Вандеркъ подумаютъ то-же, если они стануть обвинять тебя въ честолюбіи, въ кокетствѣ ... въ низости ... потому — что ложное честолюбіе бываетъ иногда низостью.

ВИКТОРИНА. Довольно! довольно!

АНТУАНЪ. А если господинъ Жоржъ... Онъ не повѣритъ ... но предположи, что повѣритъ. Ты покажешься ему тщеславною и пустою! Какъ будетъ онъ въ глубинѣ души смѣяться надъ тобой!

ВИКТОРИНА (*скрывая лицо свое на груди отца*). Довольно! Боже мой, довольно!

АНТУАНЪ. Видишь-ли...

ВИКТОРИНА (*вставая*). Вижу, что надо имѣть твердое сознание собственнаго достоинства ... и я буду имѣть его, папенька!

АНТУАНЪ (*вставая и цѣлуя ее*). Я огорчилъ тебя моими словами ... но что дѣлать.

ВИКТОРИНА. Вы хорошо сдѣлали, папенька!

XI.

СОФИ, АНТУАНЪ, ВИКТОРИНА.

СОФИ (*выходя изъ своей комнаты*). Антуанъ! такъ-то ты заботишься, чтобъ она пораньше легла?

АНТУАНЪ (*позади Викторины, которая стала мрачна и съѣла направо, погруженная въ мысли*). Викторина спокойна теперь и очень благоразумна. Не жалѣйте о ней слишкомъ, не балуйте ея, пожалуйста... Не разрушайте моихъ трудовъ.

СОФИ. Если трудъ твой клонится къ тому, чтобы убить ее, то кажется, что ты успѣешь.

АНТУАНЪ (*уходя черезъ переднюю*). Боже мой! Боже мой!

XII.

СОФИ (*подходитъ къ Викторинѣ, которая сидитъ, какъ окаменѣлая*). Что съ ней? о чемъ она думаетъ?

(*Жоржъ выходитъ изъ комнаты, въ которой былъ спрятанъ и становится вмѣстѣ съ Софи, за кресломъ Викторины*).

СОФИ (*тихо*). Что ты дѣлаешь, братъ! Не показывайся, не говори съ ней, если не можешь снасти.

ЖОРЖЪ. Поговори ты съ ней, сестра: она пугаетъ меня.

СОФИ (*Викторинѣ*). Викторина! Викторина! Глуха ты, или умерла? Отвѣчай-же!

ВИКТОРИНА (*какъ-бы очнувшись отъ сна*). А! что такое?

СОФИ. Ты забыла, стало-быть, что я жду тебя, развѣ ты не хочешь спать?

ВИКТОРИНА. Ахъ! да, правда, я было и забыла.

СОФИ. Что ты тутъ дѣлаешь? О чемъ думаешь?

ВИКТОРИНА. Ни о чемъ: я сидѣла и смотрѣла на паркетъ.

СОФИ. Что же въ немъ особеннаго?

ВИКТОРИНА. Не знаю.

СОФИ. Ты думала о Фюльжансѣ?

ВИКТОРИНА. О Фюльжансѣ? да ... нѣтъ ... незнаю.

СОФИ. Въдь ты такъ его любишь!

ВИКТОРИНА. Такъ люблю!.. Я не ненавижу Фюльжанса ... мнѣ только неловко съ нимъ: вотъ и все.

СОФИ. Ты боишься его! Признайся, что ты его боишься!

ВИКТОРИНА. Боюсь? отчего-же? (*жметя дрожь къ Софи*).

ЖОРЖЪ (*показываясь*). Ты его боишься, Викторина? О! значить, ты его не любишь.

ВИКТОРИНА (*вставая*). А! господинъ Жоржъ!.. вотъ, вы ужъ и воротились? (*холодно и съ усиленъ*). Вы будете на моей свадьбѣ! (*Еще холоднѣй*). Очень вамъ благодарна.

ЖОРЖЪ. Твоя свадьба — не состоится. Я воспротивлюсь ей! Въдь ты мнѣ противорѣчить не будешь?

ВИКТОРИНА. Вы воспротивитесь? Отчего-же?

ЖОРЖЪ. Оттого-что должно любить своего мужа, а ты не любишь того, котораго тебѣ даютъ.

ВИКТОРИНА. А почему вы знаете, господинъ Жоржъ? Съ чего вы взяли, что я не люблю Фюльжанса? Кто вамъ сказалъ?

СОФИ. Зачѣмъ такъ притворяться, Викторина? зачѣмъ лгать, когда судьба твоя можетъ быть рѣшена одной минутой откровенности!

ЖОРЖЪ. Викторина, ты, какъ будто въ забытьи: что съ тобой? Открой намъ свое сердце. Развѣ мы не лучшіе друзья твои? развѣ я ужъ не братъ твой, а сестра моя не сестра тебѣ? Неужели ты думаешь, что мы не любимъ тебя всей душою, что мы не рѣшимся спасти тебя, если ты намъ скажешь хоть одно слово?

ВИКТОРИНА. Оставьте меня ... У меня болитъ голова, лихорадка, а вы меня пугаете, вамъ пріятно терзать меня ... Но ваши насмѣшки ни къ чему вамъ не послужатъ; я люблю Фюльжанса, да, я люблю его, и хочу любить, на зло вамъ, на зло всѣмъ! (*Она вырывается изъ рукъ Софи и бѣжитъ нальво къ двери*).

СОФИ. Викторина! послушай ...

ВИКТОРИНА. Нѣтъ, нѣтъ, я сказала все, что хотѣла сказать! (*быстро уходитъ*).

ЖОРЖЪ. Не оставляй ея, сестра! Я боюсь за нее!

СОФИ. Я ея не узнаю, перестала понимать ее! Забудь, что я тебѣ сказала, братъ, и уѣзжай.

ЖОРЖЪ. Чтобъ я теперь ее покинулъ? нѣтъ, нѣ за что!

СОФИ. Боже мой! идуть! стучать! не отворяй! спрячься! (*быстро уходитъ въ свою комнату*).

XIII.

ЖОРЖЪ, ПОТОМЪ ФЮЛЬЖАНСЪ.

ЖОРЖЪ. (подходя къ двери, ведущей въ-переднюю и отворяя ее). Нѣтъ, я не забуду словъ твоихъ, сестра, и не спрячусь (отворяетъ дверь). Господинъ Фюльжансъ!

ФЮЛЬЖАНСЪ. Господинъ Вандеркъ! я былъ увѣренъ. (бѣжитъ къ колокольчику и дергаетъ за шнурокъ, такъ чтобъ звонокъ былъ слышанъ въ отдаленіи).

ЖОРЖЪ. Что вы дѣлаете?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Вы видите. Я знаю, что этотъ колокольчикъ проходитъ въ кабинетъ господина Антуана, и зову его сюда, чтобъ онъ узналъ, почему я не хочу быть его зятемъ.

ЖОРЖЪ. Вы хотите шума, милостивый государь? Вы ревнивы, я это знаю; но знайте сами...

ФЮЛЬЖАНСЪ. Я знаю, что хотѣлъ знать... и прошу васъ вѣрить, что съ этой минуты, я ужъ не ревную.

ЖОРЖЪ. Вы хотите погубить Викторину и оскорбить мое семейство вашими подозрѣніями. Я этого не позволю. По какому праву, вы сами здѣсь, милостивый государь?

ФЮЛЬЖАНСЪ. По праву жениха, очень смѣшнаго, можетъ быть, но который не желаетъ быть мужемъ достойнымъ презрѣнія. Я чувствовалъ, что вы здѣсь, слѣдилъ за вами... и хотѣлъ удостовѣриться. Я исполнилъ долгъ свой въ отношеніи къ самому себѣ; если вамъ это не нравится, такъ это значитъ, что вы не сознаете вашъ собственный долгъ.

ЖОРЖЪ. Я научу васъ, милостивый государь, вы отдадите мнѣ отчетъ... нѣтъ! я буду имѣть надъ вами слишкомъ много преимуществъ, а видимыя обстоятельства все противъ меня: я принимаю все послѣдствія невольной вины. Исполняйте вашу обязанность, милостивый государь, и постарайтесь, чтобы вина ваша предо мной не казалась больше моей вины передъ вами. Пойдемте со мной къ отцу моему.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Нѣтъ, извините, я не хуже васъ знаю свои обязанности, но знаю также и права свои. Я требую, чтобъ вы остались здѣсь, пока не придутъ засвидѣтельствовать ваше присутствіе. (Вспыльчиво). Не думаете-ли вы выставить меня за клеветника?

ЖОРЖЪ. Нѣтъ, милостивый государь.. Я рѣшился! Вы слабо звонили, у васъ дрожали руки. Я помогу вамъ. (Хватаетъ шнурокъ и звонитъ съ рѣшимостью)

XIV.

ФЮЛЬЖАНСЪ, ЖОРЖЪ. Г. " Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. АНТУАНЪ.

АНТУАНЪ (*вбѣгаетъ первый*). Бѣгу, бѣгу, Викторина! гдѣ ты?.. (*останавливается въ столбѣннѣ*). Фюльжансѣ! господинъ Жоржъ!..

ВАНДЕРКЪ. Мой сынъ!

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ (*бѣжитъ къ сыну*). Жоржъ!

АНТУАНЪ. Что здѣсь происходитъ?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Господинъ Антуанъ! Одинъ только отецъ можетъ слышать то, что я долженъ сказать.

АНТУАНЪ. Отецъ? дѣло идетъ о Викторинѣ? Такъ говорите-же, потому-что вы ничего не можете сказать о ней такого, чего-бы не могли слышать всѣ. Говорите, говорите, безъ обвиняковъ: у меня нѣтъ тайнъ отъ господина и госпожи Вандеркъ.

ВАНДЕРКЪ. Жоржъ, отчего ты здѣсь, когда долженъ быть въ Парижъ?

ФЮЛЬЖАНСЪ. Молчаніе господина Жоржа краснорѣчивѣе всего, что я могъ-бы сказать. О чемъ тутъ впрочемъ говорить! дѣло устроится семейнымъ образомъ. Вы очень добры, господинъ Вандеркъ, что дали приданое мадамъ Викторинѣ. Но вамъ придется поискать гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ того человѣка, который-бы согласился принять это приданое... я не приму его!

ВАНДЕРКЪ. Фюльжансѣ, страсть ослѣпляетъ васъ: вы начинаете оскорблять меня!.. Послушайте, сынъ мой привезъ мнѣ извѣстіе. Я полагаюсь на вашу честь, и если хотите, я скажу вамъ его.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Нѣтъ, господинъ Вандеркъ, нѣтъ! не полагайтесь ни на кого и ни на что. Тутъ все ложь и измѣна.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Господинъ Фюльжансѣ, вы подозрѣваете, стало-быть, моего сына... но онъ былъ здѣсь у сестры своей, и вѣроятно, не зналъ — что Викторина была съ нею. Скажи, Жоржъ, зналъ-ли ты?

ЖОРЖЪ. Маленька, я бы могъ сказать, что узналъ объ этомъ отъ господина Фюльжанса, но не умѣю лгать: я видѣлъ Викторину и говорилъ съ нею.

ВАНДЕРКЪ. Вѣроятно, въ присутствіи Софи?

АНТУАНЪ. Отвѣчайте-же, господинъ Жоржъ!

ЖОРЖЪ. Я не хочу отвѣчать, Антуанъ, потому-что мнѣ стыдно оправдываться.

АНТУАНЪ. Вы не хотите отвѣчать? не хотите... господинъ Жоржъ? Я васъ уважалъ, любилъ... выростилъ васъ на колѣнахъ своихъ, носилъ васъ на рукахъ... я бы отдалъ за васъ жизнь... а вы молчите, когда обвиняютъ дочь мою, и говорятъ, что вы ее обезчестили!.. О! я-то знаю, что это неправда... Но вы должны отвѣчать, должны оправдать ее передъ женихомъ... Надменность здѣсь ни къ чему не служитъ: она убиваетъ насъ... Вы молчите?... Такъ я приведу Викторину...

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Нѣтъ, нѣтъ, не тревожьте ее, пожалуйста, она больна!

АНТУАНЪ. Больна или нѣтъ, живая или мертвая, а она скажетъ намъ правду! Лучше умереть, чѣмъ жить обезчещенной! (*идетъ къ комнатѣ Софи. Софи выходитъ и останавливаетъ его*)

XV.

СОФИ, Г. и Г-ЖА ВАНДЕРКЪ, ЖОРЖЪ, ФЮЛЬЖАНСЪ, АНТУАНЪ.

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ (*Фюльжансу*). Вы видите, я была увѣрена, что Софи съ ней.

ФЮЛЬЖАНСЪ. О! я не сомнѣваюсь, что ваша дочь поступила добросовѣстно. Я и не вмѣняю этого свиданія въ преступленіе. Она покровительствовала прощанію передъ разлукой, конечно очень трогательному, но я не вѣрю прощаніямъ на вѣки. Впрочемъ, если-бъ жена моя была невѣрна мнѣ однимъ только сердцемъ, то и этого было бы для меня слишкомъ много. (*Жоржъ начинаетъ слушать Фюльжанса со вниманіемъ, и участіемъ, забывая о враждѣ съ нимъ*). Никому здѣсь, слѣдовательно, не должно казаться страннымъ, что я отказываюсь быть виновникомъ несчастія Викторины и моей собственной гибели. Не жалѣйте, господинъ Антуанъ: я чувствую, что убилъ-бы ее. Прощайте. (*Хочетъ уйти*).

ВАНДЕРКЪ. Да, Фюльжансъ, намъ надо разстаться; (*подходитъ къ нему*) но вы примете мѣсто, которое я назначилъ для васъ въ Марсели. Мнѣ нужны такіе честные люди, какъ вы.

ФЮЛЬЖАНСЪ. Нѣтъ, господинъ Вандеркъ, я ничего не хочу, ни услугъ, ни покровительства, въ особенности-же не хочу я состраданія! Я слумѣю, и безъ посторонней помощи, поддержать себя, какъ въ холостой, такъ и въ женатой жизни; въ этомъ все мое честолюбіе. Прощайте. (*Уходитъ*).

ВАНДЕРКЪ (*вслѣдъ уходящему Фюльжансу*). Гордъ, честенъ и недовѣрчивъ! Онъ правъ! Ему никого не нужно (*подходя къ сыну*). А вы, государь мой, вы дурно поступили. Вы не должны были видѣться съ Викториной, ни даже съ сестрой. Вотъ первое огорченіе, которое вы мнѣ дѣлаете; но оно глубоко.

АНТУАНЪ. Послѣ того, что произошло, я уже не могу здѣсь оставаться, потому—что меня стали—бы называть безчестнымъ ... Дочь моя умретъ въ монастырѣ, а я, гдѣ придется ... вдали отъ васъ, господинъ Вандеркъ. Благословляю васъ .. и стараюсь простить этому молодому человѣку, который имѣетъ счастье быть вашимъ сыномъ ... безъ того...

(*Г. и г-жа Вандеркъ дѣлаютъ движеніе, какъ-бы желая взять Антуана за руку, чтобъ удержать его. Взоры г-жи Вандеркъ устремлены на сына, съ выраженіемъ грусти и довѣрія*).

ЖОРЖЪ (*сильно беретъ Антуана за руку*). Я не хочу твоего прощенія, Антуанъ ... мнѣ мало прощенія; я хочу, чтобъ ты назвалъ меня своимъ сыномъ и отдалъ—бы мнѣ дочь свою.

АНТУАНЪ (*радостно*). Вамъ! вамъ!.. (*съ удивленіемъ*). Возможно ли! (*недовѣрчиво*) Вы съ ума сошли!.. (*гордо*). Я не хочу этого! Что она вамъ за невѣста ... (*повелительно*). Я несогласенъ!

XVI.

ТѢЖЕ и **ВИКТОРИНА**, блѣдная и чрезвычайно слабая.

ВИКТОРИНА. И я несогласна, папенька! Я не люблю и никогда не любила Жоржа Вандерка.

ЖОРЖЪ. Ты лжешь, Викторина!

АНТУАНЪ (*принимая въ объятія совершенно обезсилъвшую Викторину*). Она не лжетъ.

ЖОРЖЪ. Ты самъ лжешь ... Въдъ я былъ тутъ (*показывая на дверь*), добрый мой Антуанъ; я слышалъ, какъ ты говорилъ ей, что я ее ненавижу и буду надъ ней смѣяться, если угадаю ея любовь. Твой отецъ ошибался, Викторина, а я клянусь тебѣ, клянусь Антуану, (*преклоняетъ колѣно предъ отцомъ и матерью*) клянусь отцу моему и матери, что люблю Викторину нѣжно, глубоко и на всю жизнь!

ВАНДЕРКЪ (*сыну*). Хорошо, Жоржъ; ты понялъ, что тебѣ не надо моего позволенія, когда дѣло идетъ о чести!

ЖОРЖЪ. Батюшка! Лучшій другъ мой!

СОФИ. Благодарю васъ, папенька! Благодарствуй, Жоржъ!

АНТУАНЪ (*Вандерку*). Но этотъ бракъ ... Вашъ сынъ!.. Невозможно!

ВАНДЕРКЪ. Антуанъ! Это долгъ моего сына, мой и твой долгъ.

АНТУАНЪ. Почему-же?

Г-ЖА ВАНДЕРКЪ. Потому-что они любятъ другъ друга.

ВАНДЕРКЪ. И потому-что, если мы этого не хотѣли, то должны были предупредить ихъ любовь.